

ЧЕЛОВЕК
И ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС.

РОБОТЫ
И КОМПЬЮТЕРЫ.

ИТАЛЬЯНСКАЯ
ПЕСНЯ
СЕГОДНЯ.

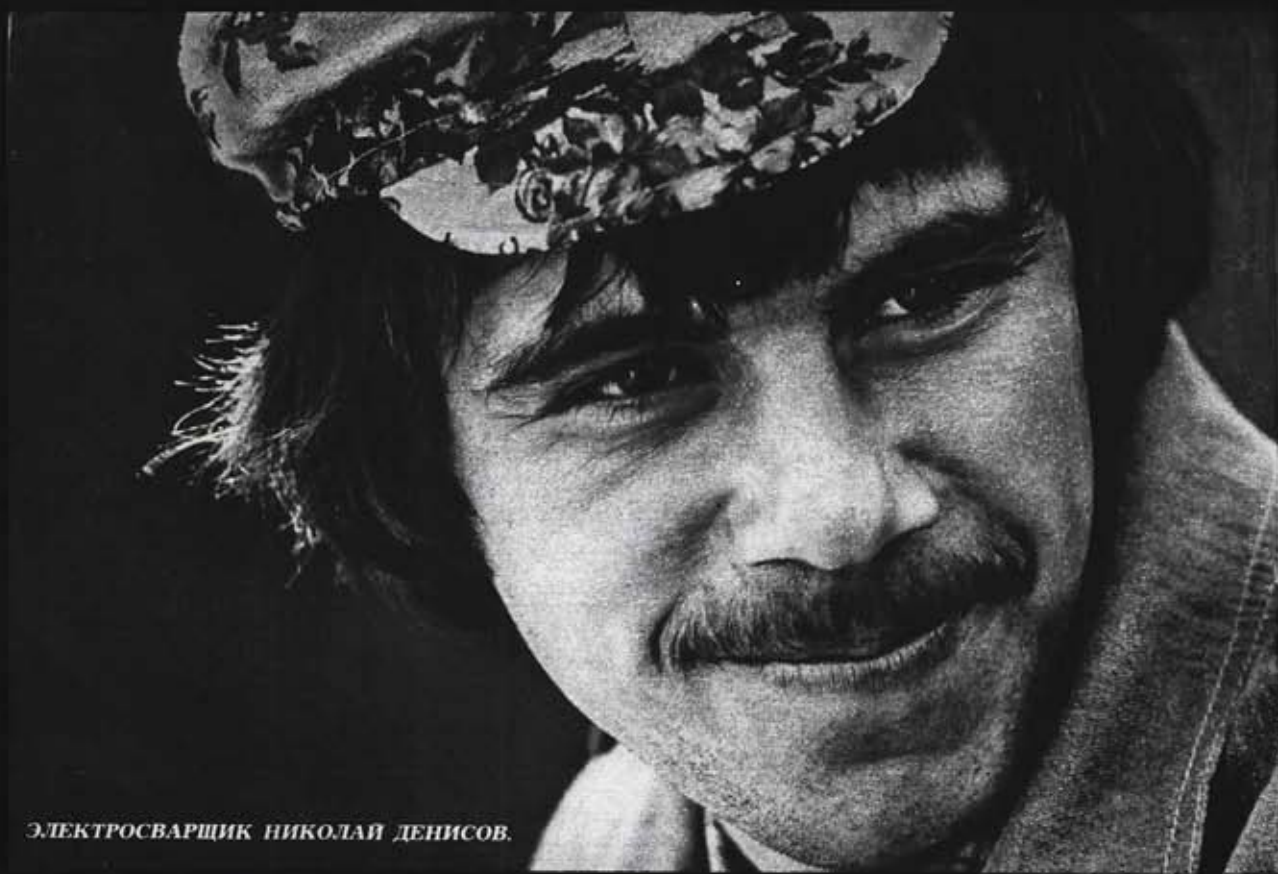
СМЕНА

№ 12 (1394) август 1985

ISSN 0131-6656

ВОТ УЖЕ ПЯТЬ ВЕКОВ, ИЗ НИХ
ДВА — В ЗВАНИИ ГОРОДА,
СТОЯТ НА РУССКОЙ ЗЕМЛЕ
МЕЛЕНКИ.

Валерий ЕВСЕЕВ.

НЕВЕ ГОРО

ЭЛЕКТРОСВАРЩИК НИКОЛАЙ ДЕНИСОВ.

ЛЬНОКОМБИНАТ — ЖЕНСКОЕ ЦАРСТВО.

ПРОФЕССИЯ СЕРГЕЯ АНИСИМОВА —
ЛОЗОПЛЕТЕЛЬЩИК.

ВСТРЕЧА
НА УЛИЦЕ
РАЙЦЕНТРА.

Фото Сергея ВЕТРОВА

ДИК ДОК

УТРЕННИЙ ПАРОМ.

Где бы ни жил человек, где бы ни трудился, кто бы его ни окружал — чувство ответственности за общее дело, за настоящее и будущее Отечества прежде всего должно определять весь склад его жизни, стремления и поступки. Вот о чем никак нельзя забывать, вот какой мерой надо оценивать свои дела. Как из малых рек и ручейков рождаются в слиянии великие реки, так из поступков и работы каждого из нас складывается день настоящий и грядущий.

Вот уже и штамп в рассказах о небольших городках сложился: дескать, не на каждой карте его найдешь, но... И дальше следует перечисление всех его достопримечательностей. Спору нет, каждый город — большой или малый, каждое село, каждая деревушка имеют свою историю, свои, присущие только им особенности, имеют свое лицо. И мне тоже не обойтись без упоминания об этом. Но начать хочется с другого — не с особенного, а с общего, с того, что, пожалуй, объединяет, что роднит тысячи таких городков-невеличек.

Начать хочется со встречи случайной и печальной. Но не потому, что грустная нота созвучна рассказу о маленьком городе, а потому, что восприятие ее, кажется мне, как ничто другое, помогает моментально высветить сам уклад его жизни.

...На показавшемся впереди перекрестке мы увидели вереницу людей. Ветер донес протяжные сигналы автомобилей. Будто гигантский орган выводит свою тревожную песню.

— Шофера хоронят, — ответил на вопросительный взгляд мой спутник. И назвал фамилию и имя умершего.

Мне доводилось слышать подобные автосалюты, когда прощались с водителями, чья жизнь трагически оборвалась за рулем. А тот умер в своей постели и, не в упрек покойному будет сказано, при жизни особо знаменит не был. Но за его гробом шло человек двести.

— Сколько ни принимали решений запретить по примеру больших городов траурные процессии, ничего не помогает. Бывает, весь город выходит проводить человека. — И в голоса моего спутника звучало не столько сожаление по поводу невыполняемых решений, сколько гордость за своих земляков.

«Провинция», — усмехнется иной столичный читатель. И не поколебать мне, наверное, его высокомерной ироничности ставшим притчей во языцех напоминанием о том, что в больших-то городах мы и соседней по лестничной клетке не всегда знаем.

Провинция... Живучее слово! В XVIII веке так назывались в России административно-территориальные единицы, входившие в состав губерний. В свою очередь, они делились на доли и дистрикты. О последних, пожалуй, не все и слышали. А вот понятия «провинция», «провинциал», «провинциализм» сохранились и живут. Что за ними?

Вчера, например, меня в метро назвали провинциалом только за то, что не очень проворно уступил место на эскалаторе бегущим вниз молодым людям. Не правда ли, без обращения к словарям ясно, что хотели сказать мне «столичные» юноши? «В нем все же много провинциального», или «брось ты эти провинциальные штучки» — это выражения из бытовой речи, вариации которой на ту же тему можно множить. А в критике «провинциализм» стал чуть ли не литературоведческим термином, употребляемым, скажем, когда речь идет о манерности стиля автора, пусть даже и коренного москвича. Однажды даже такое довелось слышать: «Вы знаете, в последний раз Ленинград показался мне несколько провинциальным». Тут уж комментарии, как говорится, излишни! И все-таки чаще в провинциализме обвиняют жителей небольших городов, поселков, сел...

Конечно, можно — и нужно! — сказать, что провинция — определение не территориальное, а душевное, что провинциализм проявляется не в галстук, а в косности и лености мыслей, в дремучести идей, в мешанской склонности к бездумному подражательству и вычурности... Все так. И все же я был бы неискренен, начав доказывать, что понятие «провинция» полностью потеряло ныне свой географический смысл, что средства массовой коммуникации свели культурно-бытовой уровень жителей больших и малых городов к единому знаменателю.

Нет, провинция существует и сегодня. Причем, положи руку на сердце, те же Меленки — типичный ее пример, хотя добираться до них от Москвы всего-то несколько часов... Впрочем, стоп! Коль уж назвали впервые мы имя главного героя этих заметок, то прервем на время рассуждения и представим городок как положено.

Расположен он действительно недалеко от столицы, там, где сходятся границы трех российских обла-

стей — Владимирской, Рязанской и Горьковской. Места легендарные. «Из того ли то из города из Мурома, из того села да с Карачарова выезжал удаленный дородный добрый молодец». Когда это было! Но стоит до сих пор на берегу Оки Муром-город — всем известен. И село Карачарово, хоть и не существует уже — вошло давно в черту города, но тоже памятно. А вот среди тех же муромских лесов лежащие Меленки помоложе будут, в былинах «прописаться» не успели, потому и не прочитаешь о них в хрестоматиях. Да и в энциклопедиях всего несколько строк.

А тем не менее рассказать про свою историю городу есть что. По преданию, стоит он на русской земле с XV века. Сначала это было село — Ляхи называлось, затем Рогожино, затем Веретьево. Веретьево — это уже когда Муром уездным городом стал. В Муроме-то и шепнули богатые купцы наместнику Владимирской губернии князю Воронцову, что их, как бы мы сейчас сказали, веретьевские коллеги хотят оказать князю услужение. Не хотелось Воронцову в глухое село ехать, да и боялся он, что в обмен на «услужение» замучают его тамошние купцы жалобами, но жадность свое взяла.

А купцы веретьевские, видно, не промах были. Знали, чем князя взят. На подъезде к селу по обе стороны Муромского тракта запалили бочки со смолой, украшенными избаами и развешанными фонарями встретили, ну и прием закатали соответствующий. Утром пришли в богато обставленную опочивальню, в ноги князю кинулись. «От всего миру с прошением», — говорят. А попросили одно, что князю без особых хлопот сделать легко было: «Поименовать село городом».

Вот так два с лишним века назад появился на свет новый русский город Меленки. Назвали его так потому, что сторона была мельничная. И на гербе городском в верхней части был изображен герб губернского Владимира, а в нижней — золотая ветряная мельница на фоне голубого неба.

Ну, а потом? Потом стали Меленки уездным центром. Но и тогда, скажем честно, не наделила их жизнь громкой славой. Хотя — и, может быть, это главное? — каждый шаг истории города был в ногу с историей всей страны.

И крестьянские бунты, и рабочие восстания — все видели Меленки. Об Октябре 17-го намоинают мемориальные доски на стенах домов: здесь находился первый военно-революционный комитет, здесь — первый Совет рабочих депутатов. И на скрижалях Победы в Великой Отечественной достойны быть упомянуты Меленки: полтора десятка Героев дал стране городок-невеличка.

Но как в годы первых, так и послевоенных пятилеток фронт индустриального наступления обошел один из самых удаленных райцентров Владимирской области, к тому же стоящий в стороне от железных дорог. «Главное занятие жителей — покупка, обработка и сбыт льна» — так определяло промышленный профиль Меленок историко-статистическое описание, сделанное в конце прошлого века. Не изменил своей основной профессии город и сегодня. Самое крупное его предприятие — льнокомбинат «Красный текстильщик», названный так в 1921 году, когда, видимо, помнили еще, что в прежние времена профессия ткача была чисто мужской. Сейчас же в пору именовать комбинат «текстильщица» — здесь женское царство. Для мужчин главное место приложения сил — небольшой литейно-механический завод, бывший когда-то ремонтным цехом комбината. Есть еще в городе филиал завода зонтов, леспромхоз, промкомбинат, выпускающий кадки, веревки, горшки, заготовки для ложек, садовые домики...

В общем, до индустриального центра нашему герою далеко. Добавлю, что и старинной достопримечательной, подобной суздальской, не довелось в свое время обзавестись Меленкам, потому золотое туристское кольцо России проходит мимо. Так что в городской гостинице места всегда есть.

...Вот, кажется, подходящий момент вернуться к нашему разговору о провинции. А если еще вспомнить тут про Тынду, Надым, Уренгой, то и вовсе обидным сравнение получится. Тоже ведь не города-миллионеры, да и выросли в буквальный смысле слова в медвежьих углах, а провинциальными их не назовешь. Там передний край, там ритм жизни почище столичного. Туда и союзные знаменитости за честь

считают наведываться. А в Меленках и подобных им городках, хоть и стоят они в центре России, даже особых перспектив на бурное развитие и соответствующие ему привилегии не предвидится. Богатых месторождений здесь не открыли, и новая «магистраль века» через эти места не планируется. И концертные бригады сюда пониже рангом едут, и тот же модный галстук здесь купить пока сложно.

Прав — к сожалению! — герой романа Д. Гранина «Картина» Лосев, председатель исполкома маленького города, когда говорит в запале: «Мы, конечно, живем в глуши, мы и без того во многом обездолены. Я не в порядке жалобы, но позвольте спросить, почему все только в Третьяковскую галерею? Почему сюда все: и выставки, и апельсины, и французские духи? У нас ведь тоже вкалывают, и тоже Россия. Может, самая что ни на есть Россия...»

Понятна обида Лосева, хотя и понятны ответы, которые можно дать на его вопросы, — просто всего для всех пока еще не хватает. Время — причем не просто время, а время созидания — изменит, разумеется, это положение. Но разве только с одними минусами можно перечислять приметы провинции: нет театра, нет музеев, нет апельсинов?.. Есть ведь у провинции и свои плюсы по сравнению со столицами.

Во всяком случае, в Меленках из 50 человек, которым я задал вопрос, где бы они предпочли жить — в большом городе или в маленьком, — больше половины со всей определенностью высказались за маленький. А ведь моими собеседниками были те, кого менее всего заподозришь в привязанности к тишине и покою, в безразличном отношении к проблеме модных галстуков или в боязни поломать устоявшийся быт. Меленковские десятиклассники — вот кто отвечал на мои вопросы.

Энергия, бушевавшая в классе во время нашего разговора, готова была, кажется, выплеснуться не только за пределы Меленок, но и всей Вселенной. И вдруг такой, скажу прямо, несколько неожиданный для меня результат импровизированного анкетирования.

Чем же привлекает семнадцатилетних непосед родной город? Живописной природой, тем, что здесь «все друг друга знают», «довольно хорошей библиотекой», тем, что в городе родился известный летчик, наставник космонавтов Н. П. Каманин, что «можно заниматься музыкой, спортом», и даже тем, что «здесь есть куда деть свободное время»...

Не будем улыбаться некоторой наивности этих аргументов, а попытаемся в них разобраться. Тем более, что абсолютно бесспорен из них, пожалуй, один — возможность на зависть жителям больших городов постоянного, каждодневного общения с лесом, речкой, полями, лугами. Необходимость и благотворность близости к земле, к природе, видимо, нет смысла доказывать.

А вот как использовать свободное время — это вопрос дискуссионный. В тех же ответах моих молодых собеседников в полный голос звучало единодушное неудовлетворение количеством и качеством работы культурных заведений, отсутствием в городе молодежных клубов, кафе, хорошего стадиона, оборудованного парка и т. д. С этим нельзя не согласиться. И все же, мне кажется, десятиклассник меленковской средней школы № 1, не указавший своей фамилии и, кстати, сам предпочитающий жить в большом городе, может быть, неосознанно, интуитивно, но нащупал своим «здесь есть куда деть свободное время» один из очень важных узлов, связывающих всю цепочку аргументов в пользу маленького города.

Возводя в абсолют XX века ритм жизни больших городов, мы сегодня все время спешим. Бежим по ступеням эскалатора, по картинным галереям, по служебной лестнице... Остановиться, разглядеть, подумать над чем-то некогда... А в Пензе вот открыли музей одной картины. Поговорите с посетившими его и поймете, что часовое общение с одним шедевром куда как глубже и полезнее для души, чем пробежка вдоль целого их ряда. Конечно, картины в Пензу привозят из лучших музеев страны, и инициативу эту вряд ли возможно широко подхватить. Но разве в каждом нашем городке, в каждом селе, наконец, в каждом из нас самих нет того, что достойно углубленного изучения? Не к самосозерцанию я призываю — к самопознанию, к творческому развитию своих интересов. И для этого, оказывается, вовсе не обязательно иметь «под рукой» Эрмитаж или Третьяковку.

Примеров увлеченности, получившей реальное, зримое воплощение, можно привести немало и из жизни меленковцев. Скажем, в Москве есть театр, который почти никто не называет, указывая полный его титул, говорят — «образцовский». С чем-то подобным столкнулся я и в Меленках, когда услышал про «лапоноговский» кружок. Основал его много лет назад нынешний начальник цеха литейно-механического завода Владимир Михайлович Лапоногов, а сейчас эстафету принял его сын, слесарь того же завода Михаил, в свое время прошедший полный курс отцовской науки и ныне обучающий меленковских ребяташек премудростям авиа- и судомоделирова-

ния. Я думаю, народный артист СССР С. В. Образцов не обидится за сравнение его знаменитого на весь мир театра с маленьким кружком, потому что основа у них общая — увлеченность и преданность делу.

Молодой художник-самоучка Федор Журавлев, работающий в совхозе «Меленковский», признался: «Ночь настанет — хочется за все взяться: и лепить, и рисовать, и резать, и рассказы писать. Аж руки чешутся. Все хочется, а времени — двадцать четыре часа, и в них только одна ночь». Хороша, черт возьми, жизнь, если говорит человек так! А впереди у него еще недочитанная книга, свежий номер любимого журнала, да, может быть, пару раз в месяц стоящий спектакль по телевидению. У многих ли москвичей, ленинградцев, киевлян духовная жизнь замешана круче?

Мне могут сказать: конечно, свободного времени в маленьком городе больше, чем в столицах, но ведь не все умеют его правильно использовать, не все тянутся к перу и кисти, некоторые могут и горькую запить от «ничего делать». Конечно, как говорится, человек сам хозяин своей судьбы. Но пьяных на улицах тех же Меленок я видел несравненно реже, чем в больших городах. Потому что стыдно, потому что все тебя знают.

Директор меленковской средней школы № 2 Борис Константинович Иванов, когда разговор у нас зашел на эту тему, поименно назвал своих старшеклассников, которые уже пробовали вино. Заметьте — не выпивающих, а только пробовавших. И назвал, кстати, без оговорок «мне кажется», а с абсолютной уверенностью. Сможет ли так же уверенно сделать это хоть один столичный учитель?

Жизнь на виду — она трудней и ответственной, чем изолированное существование в квартире с задернутыми шторами. Но она и плодотворней. Разве не «провинциальная закалка» сделала великим Ломоносова? А сколько других людей, ставших гордостью страны, взрастила провинция! Пусть простят меня социологи за столь ненаучный метод доказательства, но, взяв наугад 15-й том Большой Советской Энциклопедии, не поленился я подсчитать всех выдающихся людей нашей Родины, отмеченных в этом томе статьями с портретами. Потом поделил их на две группы. В первую отнес тех, кто родился в столичных, губернских и областных городах, во вторую — совсем уж «провинциалов» по рождению. Результат? 51:38 в пользу провинции.

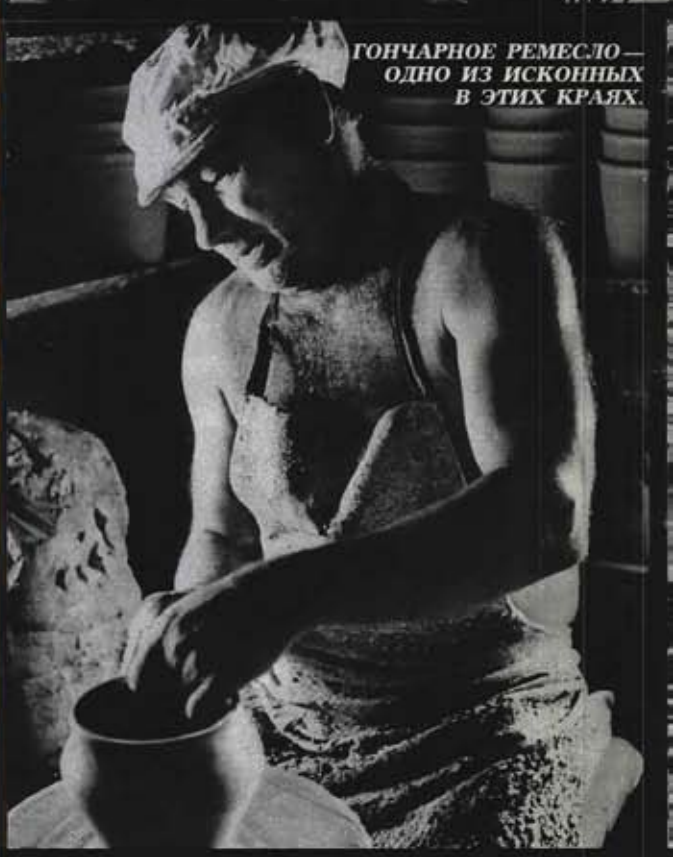
Гордятся своими знаменитыми земляками и в Меленках. Активной участницей двух революций В. И. Суздальцевой-Тагуновой; одним из организаторов Советской власти в Молдавии, Е. М. Венедиктовым; художником О. В. Розановой, на могиле которой выступал Луначарский; литературоведом, академиком П. И. Лебедевым-Полянским; наставником космонавтов Н. П. Каманиным... А сколько докторов наук, профессоров, окончивших школу в Меленках, называли мне!

Нет, «провинциал» слово не обидное. Обидно обвинение в провинциализме. А это, извините, понятие совсем не географическое. Провинциализм — это душевная, а не территориальная отдаленность от сокровищ культуры и науки.

...Однажды я уже рассказал о Меленках в центральной газете и получил на свое выступление немало откликов. Один среди них был очень сердитый. Московский инженер упрекал меня в желании воздвигнуть шлагбаум на пути урбанизации, в излишней и непонятной ему любви к старым деревянным домам маленьких городков, в идеализации провинции. Что ж, на сей раз я вообще обошелся без описания каких-либо красот, предоставив читателям возможность самим оценить их по фотографиям. Но если говорить серьезно, то и тогда, и сейчас заставила меня взяться за перо отнюдь не ностальгическая тоска по патриархальному быту. Ведь даже создатели ультрасовременных городов стремятся спланировать в них так называемые промышленно-жилые комплексы — своеобразные слепки с наших старых маленьких городков, в которых можно будет сохранить «провинциальные» взаимосвязи — отношения людей между собой, отношения с природой, с естественным и необходимым физическим трудом, а также разумные и несуетные отношения людей со своим свободным временем. Это, если так можно сказать, архитектурные уроки провинции. Но куда важнее ее нравственные уроки. Их нельзя сбрасывать со счетов и в наш стремительный век.

Таких городков, как Меленки, городов-рядовых — тысячи в нашей стране. Они, как старые солдаты, — и на вид не очень-то бравые, не часто попадавшие в объектив фотокорреспондента, но отбывшие войну «от» и «до», не ставшие героями по званию, но заслужившие наш нижайший поклон за то, что частно и достойно прошли все выпавшие на их долю битвы и после вернулись к своему прежнему, скромному, но необходимому стране труду. На таких, говорят, земля держится.

ДОБРАЯ ШУТКА — ДЕЛУ ПОМОЩНИЦА.

ГОНЧАРНОЕ РЕМЕСЛО — ОДНО ИЗ ИСКОННЫХ В ЭТИХ КРАЯХ.

ЮНЫЙ ЛЮБИТЕЛЬ КАРТИНГА.

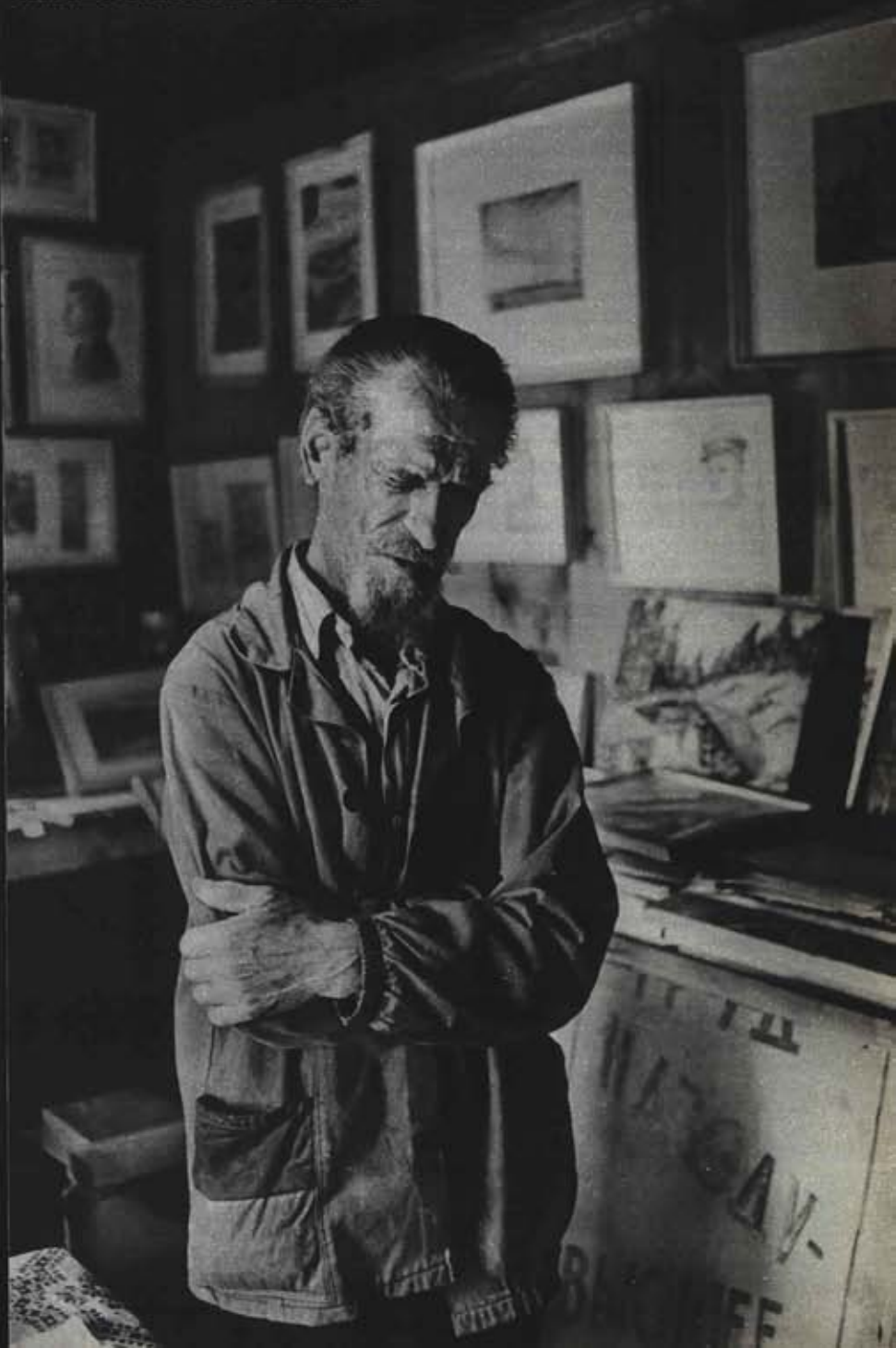

РОДНИК
И РОДИНА —
ОДНОГО КОРНЯ.

ОТ МЕЛЕНОК ДО ОКИ — РУКОЙ ПОДАТЬ.

КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА ВАСИЛИЯ ШЕПКИНА
ХОРОШО ЗНАЮТ МЕЛЕНКОВЦЫ.

Из стен Нижегородской гимназии в разгар занятий выпорхнуть «сизяку», как называли воспитанников этого учебного заведения за цвет форменной одежды, было непросто. Бдительность инспектора, надзирателей, помогавшего им сторожа казалась неусыпной. И все-таки в тот пахнувший весной день ученик четвертого класса Яков Свердлов смог преодолеть все преграды. После третьего урока, пользуясь шумом перемены, выбрался на улицу и сразу затерялся среди многочисленных пешеходов.

Знал: за нарушение гимназической дисциплины спросят несомненно. Но лишь бы никто не остановил сейчас. Иначе все сорвется, все, ради чего предпринят этот шаг. В последний путь предстояло проводить бывшего студента Московского университета Германа Ливена, земляка-нижегородца. О его трагической смерти говорили всюду. Весть о ней поразила и членов семьи Свердловых. Про «мученика, решившегося на самоожожение», Яков узнал от старшего брата. Оказывается, полиция давно следила за Германом, подозревая его в связи с членами недовольного кружка. Дважды арестовывала. Но из-за отсутствия улик выпускала на волю. Очередное заключение в Бутырскую тюрьму было третьим по счету. Столь же, впрочем, бездоказательным, как и предыдущие. Сознание личной бесправности, незащищенности от полицейского произвола угнетало Германа. Как освободиться из стен одиночной камеры? Такой возможности он не видел. И тогда, находясь в состоянии отчаяния, он привязал себя к койке, облился керосином, что был припасен для заправки лампы, и чиркнул спичкой... Смерть от ожогов наступила через два дня в тюремной больнице.

...Вот и траурная процессия. Гроб на руках несут молодые люди, такие же, как Герман, студенты. Сосланы в Нижний Новгород из разных мест России за причастность к революционной деятельности. Колонна растянулась на несколько кварталов. Свердлов быстро сориентировался: занял место в одном из ее рядов, оказавшись локоть к локтю с мастеровым в суконном бушлате. Где-то впереди грянули звучащие набатом слова: «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» — и колонна дружно подхватила песню, вызвав переполох среди находившихся поблизости полицейских.

Ничто не укрылось от внимательных глаз, не пролетело мимо чутких ушей Свердлова. Он догадался, что присутствует не просто на похоронах. Нет, траурное шествие превратилось в своеобразную политическую демонстрацию. Возникла она вроде бы стихийно. А фактически?.. Кто-то сумел обо всем подумать заранее, предусмотрев развитие событий до мельчайших деталей, застраховавшись от неожиданностей. Потому-то полицейские чины и не смогли ничему помешать.

Не первый ли организаторский навык удалося приобрести Якову Свердлову в результате этого наблюдения?

Понятно, что это всего лишь догадка. А вот факт, зафиксированный журналом «О манкировках и проступках учащихся», который воспитанники Нижегородской гимназии называли обычно «кондуитом». День похорон Германа Ливена получил отражение в этом документе следующей записью: «8 апреля 1899 года Свердлова не было на 4-м уроке». И резолюция: «9 апреля оставлен (после занятий.— В. П.) на 2 часа». Самовольно гимназиста не осталось тайным. Оценено штампованным наказанием. «Санкция» могла бы стать иной, оказалась автор кондуитной записи поосведомленнее...

Запомним эту дату. В жизни Свердлова будет еще не одно памятное 8 апреля. А начиналась эта жизнь так.

...Родился 4 июня 1885 года в Нижнем Новгороде. Отец Свердлова был гравером-печатником. Имел маленькую мастерскую в центре города. Приобрел ее несколько лет назад, переехав сюда с семьей из Саратова. Яков — третий ребенок в семье. Восьми лет стал посещать трехгодичную начальную школу. Был одним из первых учеников. Подтвердил это и успешной сдачей экзаменов при поступлении в Нижегородскую гимназию. Запоем читал Жюль Верна, Вальтера Скотта, А. Конан Дойля, Д. Фенимора Купера. Стремился быть сильным, ловким, выносливым. И честным, как подобает великодушному рыцарю, который всегда на стороне добра в борьбе со злом.

Свердлову исполнилось всего четыре года к моменту издания на английском языке романа С. Степняка-Кравчинского «Карьера нигилиста». Он познакомился с книгой уже гимназистом, когда в 1898 году ее выпустили для русского читателя, но под другим названием — «Андрей Кожухов». Нельзя сказать, что Андрей Кожухов понравился безоговорочно. К нигилистам Свердлов симпатий не питал. Привлекательным было в главном герое романа то, что он целиком и полностью посвятил себя служению революционному долгу, действовал настолько же бескорыстно, насколько и самоотверженно. Позицию, которой постоянно придерживался, обозначил такими словами:

— Вся наша нравственная сила заключается в том, что мы социалисты.

ЯКОВ СВЕРДЛОВ

Отбросьте социализм, и наша сила пропадет.

Книги, что читал сверх рекомендованного в гимназии, помогли создать фундаментальный кругозор — фундаментальный не по возрасту. А что дальше? Ответ находим в ленинской оценке, данной Свердлову: «...еще совсем юношей, он, едва проникнувшись политическим сознанием, сразу и целиком отдался революции». Наступил рубеж зрелости, способной здраво судить, искать верные пути в будущее. Именно в эту пору родилась концепция-доминанта, принятая как руководство к действию. Накануне своего тридцатилетия Яков Михайлович расшифровал ее так: «...сама борьба людей и с внешними условиями и между собой за господство новых начал жизни полна захватывающего интереса. Принять участие в этой борьбе — огромное наслаждение». Будто назидание современникам и потомкам: оптимизм — это качество сильных людей!..

Не этот ли оптимизм, беспредельная вера в силу завтрашнего дня помогли твердо встать на ноги? Детства мало, отрочества почти нет. Сразу — юность. Зов призвания был услышан, сыграл мобилизующую роль. Сказалась и личная драма. Когда Свердлову исполнилось пятнадцать лет, умерла его мать. С гимназией пришлось распрощаться. Из родительского дома переехал в Канавино — один из пролетарских районов Нижнего Новгорода. Владелец аптеки

ЯКОВ СВЕРДЛОВ

принял на работу учеником. Мыл мезурки, крутил «фантики» порошков. Часы досуга использовал для знакомства с населением рабочего поселка. Чаще всего бывал в зоне лесопильных заводов.

В сентябре 1901 года был создан Нижегородский комитет РСДРП. Секретарем его стала библиотечный работник О. И. Чачина, лично знавшая В. И. Ленина, выполнявшая ряд его поручений по «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса». Она внимательно приглядывалась к Свердлову, наводила о нем справки. Наконец решила: «Можно доверять». После похорон Германа Ливена прошло всего два с половиной года, а революционное подполье получило уже опытного работника, выросшего из неприметного «сизяка». Нет, самообольщаться ему было рано. О. И. Чачина часотенько критиковала за излишнюю горячность, нарушения правил конспирации. Но она же первой признала тот факт, что Свердлов вполне сложившийся член РСДРП. Партийный стаж у него начался с 1901 года.

Юному подпольщику дается одно задание ответственнее другого. Вот он едет в Саратов, где жила старшая сестра. Устраивается там на работу аптекарским учеником. Но вскоре возвращается в Нижний Новгород. А вслед за ним прибывает крупная партия нелегальной литературы. Проходит время, и предпринимается такая же командировка в Чистополь. Нижегородцы поддерживали тесные связи с социал-де-

мократической группой этого города. Иначе говоря, начался особый род деятельности. Смысл ее раскрыт В. И. Лениным: «В эту эпоху, в самом начале XX века, перед нами был тов. Свердлов, как наиболее отечественный тип профессионального революционера...»

Великие люди всегда провидцы. Умеют подмечать то, что другим не дано. Таким был В. И. Ленин. Поняв закономерности общественного развития, он не жалел сил, пропагандируя революционные идеи. Разделяли их многие. Но одни пассивно, другие активно. Свердлов относился ко вторым, лидируя среди них по результативности усилий. Помогало этому политическое сознание. В рабочие кварталы молодой революционер шел не оттого, что за этим виделась объективная необходимость. Нет, ему там нравилось, его туда тянуло.

Члены Нижегородского комитета РСДРП признавали: работоспособен, инициативен, приверженец курса «Искры», по достоинству оценил и безоговорочно поддержал позицию большевиков на II съезде РСДРП, склонен к организаторской деятельности.

Все знавшие Свердлова отмечали его острый ум. Сядет играть в шахматы — поражает партнера оригинальностью ходов. Прочитает очередную книгу — готов сразу же дать развернутую рецензию. Осваивая теорию, немедленно в сферу практики. Это по достоинству

оценило Бюро комитетов большинства, созданное на исходе 1904 года в дополнение к Заграничному отделу ЦК РСДРП. Для Свердлова начинается полосу постоянных разъездов. Некоторое время был в Ярославле. Потом маршрут: Нижний Новгород—Казань. Всюду представлял собой Бюро комитетов большинства. Таких полномочных лиц называли в то время «агентами ЦК». Молодой возраст—распространенное явление. Но и по этому «цензу» Свердлов держал первенство: летом 1905 года ему исполнилось только двадцать лет!

Революционное движение стремительно набирало силы. Все острее ощущался «голод» на кадры партийных работников. Еще в июне 1905 года Н. К. Крупская писала Казанскому комитету РСДРП: «Сейчас работа везде страшно растет, спрос на людей и литературу прямо колоссальный». Интересно: нет ли таких, кому на месте оставаться нельзя? Для Свердлова этот момент наступил в сентябре 1905 года. Вновь почувствовал, что попал под пристальное наблюдение агентов полиции. Пришлось истому волгарю расстаться с любимой рекой. Путь лежал на Урал.

...Мелькают за окном железнодорожного вагона ели, пихты, сосны. Леса таежные, дремучие. Пейзаж намного суровее, чем в среднерусской полосе. А люди? Свердлов с нетерпением ждал первых встреч, бесед, оценок.

Вот, наконец, и перрон Екатеринбург. Устроился на новом месте быстро. Уездный город Пермской губернии насчитывал сто улиц и пятнадцать площадей, пять с половиной тысяч домов, четыре банка. Заводских и фабричных труб несметное количество. Дымили густо. О масштабах промышленного производства можно было судить по сумме банковского оборота, которая превышала миллиард рублей. В России таких крупных индустриальных центров насчитывалось немного. Одним из первых, с кем довелось познакомиться, был рабочий Верх-Исетского завода П. З. Ермаков. Надежным помощником стал техник электростанции С. А. Черепанов. Всех интересовали решения III съезда РСДРП, центральные вопросы: как готовиться к вооруженному восстанию, каким должно быть временное революционное правительство, какой тактики придерживаться в отношении к крестьянскому движению? Отвечал. Разъяснял. Излагал собственную точку зрения. Помогала уверенность в себе, основанная на всесторонне развитом политическом сознании.

В сфере человеческих отношений такие люди, как Свердлов, законодательствовали, утверждая простоту, доброжелательность, демократическую завершенность каждого своего шага. Так рождались традиционные формы внутрипартийной этики и морали, получившие массовое признание. Мы ими руководствуемся постоянно, не всегда и задумываясь, как пришли к этому. Мол, иначе быть не должно! В таком утверждении—сила завоеваний далекого революционного прошлого.

В 1905 году развернулась подготовка к очередному съезду партии. Екатеринбургцы должны были направить на него своего делегата. Кого избрать? Сохранились воспоминания рабочего С. А. Глухих. По ним известно, что для обсуждения этого вопроса активисты социал-демократического движения собрались в одном из надежных домов. Свердлов раздал каждому из присутствовавших стандартные листки бумаги. Написавший фамилию делегата клал «бюллетень» в шапку, служившую урной. Когда подвели итоги, то оказалось: все выдвинули одну кандидатуру—товарища Свердлова.

Съехавшиеся к 10 декабря в Петербург делегаты по предложению ЦК решили провести вместо съезда большевистскую конференцию. Она состоялась с 12 по 17 декабря в Таммерфорсе на финляндской земле. Уральский представитель опоздал: подвели волнения,

охватившие революционно настроенных железнодорожников, поезда ходили с перебоями. В Таммерфорсе он появился, когда конференция уже закончилась. Сорвалась возможность повидаться с В. И. Лениным, о которой так мечтал Яков Михайлович. Было горько и обидно. Когда еще представится такой случай?

На ожидание его ушло двенадцать лет. Их первая встреча состоялась в апреле 1917 года на VII Всероссийской конференции большевиков. Свердлов после этого никогда не расставался с вождем пролетарской революции.

А пока... путь снова лежал в Екатеринбург. Политическая обстановка к тому времени изменилась—начался разгул реакции. Свердлову пришлось переехать в Пермь. Большую помощь «агенту ЦК» в Перми оказывала его жена—Клавдия Тимофеевна Новгородцева, являвшаяся секретарем Пермского комитета РСДРП. Пост говорит сам за себя. Трудно назвать дело, к которому она не имела бы отношения. Занималась партийной пропагандой, распространением нелегальной литературы, устройством конспиративных квартир... Вместе с тем часто бывала на заводах и фабриках, пользовалась большим авторитетом среди социал-демократов. Когда пермские большевики избрали Клавдию Тимофеевну делегатом на IV съезд партии, это была радость для обоих супругов. Впечатления, привезенные ею при возвращении, первым, конечно, воспринял муж. Он же дал и ряд ценных советов, как лучше донести решения съезда до сведения широкой массы революционно настроенных рабочих. Сообщил новости, которых Клавдия Тимофеевна еще не знала: есть теперь у Пермского комитета РСДРП своя типография, налажен выпуск листовок, прокламаций. Новый размах получила военно-боевая работа...

Между тем судьба приготовила суровое испытание. 10 июня 1906 года Свердлов и Новгородцева были арестованы. При Якове Михайловиче имелись документы Льва Сергеевича Герца. Под этим именем он и числился среди заключенных, пока не счел нужным раскрыть себя. «Не унывать!»— вот команда, которую давал сам себе профессиональный революционер, когда обстоятельства складывались не в его пользу, умел строго ей следовать, мобилизуя для этого всю свою волю.

А теперь—несложная арифметика, раскрывающая героизм яркой личности. Всего прожито менее 34 лет. Из них 11 ушло на тюрьмы и ссылки. Первые 14—пора «разбега». Остается 9. Лишь о малом, что было сделано за эти годы, рассказано вкратце выше. А о многом и не упомянуто. Назовем лишь несколько из наиболее памятных вех: 1912 год—Свердлов кооптируется в члены ЦК РСДРП, вводится в состав Русского бюро ЦК, становится одним из редакторов «Правды», 1917 год—Свердлов на VI съезде РСДРП(б) выступает с организационным отчетом ЦК, осенью—один из руководителей подготовки и осуществления Великой Октябрьской социалистической революции, с 8 ноября—председатель ВЦИК, высшего государственного органа Советской республики.

К числу первоочередных забот председателя ВЦИК относились дела, связанные с разработкой Конституции РСФСР: Свердлов возглавлял специально созданную комиссию. 8 апреля 1918 года выступил на заседании ВЦИК с речью о национальном флаге Российской Федерации. Каким он должен быть? Таким, отметил оратор, «с которым мы шли на борьбу с самодержавием и с буржуазией», «ни один революционер не станет возражать против того, что красный флаг... останется национальным флагом». То было тридцать третье 8 апреля с начала жизни и деятельности Якова Михайловича Свердлова. До тридцати четвертого он не дожил. Память о нем в сердцах советских людей осталась на века.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

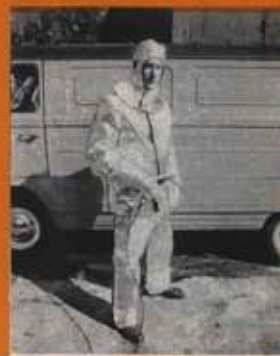
СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 12 (1394) ИЮНЬ 1985

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
новый
костюм сварщика.

Фото
Владимира
ЧЕЙШВИЛИ.

- 1** «НЕВЕЛИК ГОРОДОК». Фотоочерк Валерия ЕВСЕЕВА и Сергея ВЕТРОВА.
- 4** ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ. Виктор ПАНКРАТОВ. «ЯКОВ СВЕРДЛОВ».
- 6** ЧИТАТЕЛЬ—«СМЕНА»—ЧИТАТЕЛЬ. «ВОЗВРАЩЕНИЕ К СЫНУ».
- 8** Рассказ Леонида БЕЖИНА «ПОСЛЕДНИЙ КИНТО».
- 12** НАВСТРЕЧУ XXVII СЪЕЗДУ КПСС. Сергей СЕРГЕЕВ. «ЦЕХ XXI ВЕКА».
- 14** Федор УГЛОВ, академик. «ПРАВДА И ЛОЖЬ ОБ АЛКОГОЛЕ». Беседа третья.
- 16** НАВСТРЕЧУ XII ВСЕМИРНОМУ. «ФЕСТИВАЛЬНЫЙ ПЛАКАТ «СМЕНИ».
- 18** Конкурс одного стихотворения «СЛАВЬТЕ, МОЛОТ И СТИХ, ЗЕМЛЮ МОЛОДОСТИ».
- 19** «ЖАЖДА ПОНИМАНИЯ». Размышления над письмами читателей.
- 20** «ЧЕРНИГОВСКАЯ ДИКОВИНА».
- 22** Джульетто КЬЕЗА. «ИТАЛЬЯНСКАЯ ЭСТРАДА: ПЕВЦЫ И ПЕСНИ».
- 24** СИЛУЭТЫ. Алексей ПЬЯНОВ. «ФЕДОР ГЛИНКА».
- 26** ЭТИКА ПОВЕДЕНИЯ. Беата БУШЕЛЕВА. «ГОСТЬ В ДОМЕ».
- 27** Муғаз КЕШТ. «СЕМЬ ЗВЕЗДНЫХ БРАТЬЕВ». Стихи.
- 28** Литературный глобус «Смены». Уильям КОТЦВИНКЛ. «ИП».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: В. И. ВИНОКУРОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ (ответственный секретарь), В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. Р. Павлов. Технический редактор Д. Н. Мазур.

© Издательство «Правда». «Смена». 1985 г.

Педер ХУЗАНГАЙ,
народный поэт Чувашии

Полеи войны

*Мы — над Западным Бугом. Признаться,
Неширок он. Заверить могу:
Если смелый захочет купаться,
То нырнет — и на том берегу.*

*Освежится, привычно встряхнется.
Крепкий торс, точно налит огнем,
Заискрится в лучах — и проснется
Дух язычества, дремлющий в нем.*

*Плотным мышцам под кожей тесно,
Загорелые грудь и спина...
Но совсем о другом моя песня,
Не такие теперь времена.*

*Колосится повсюду пшеница —
Но без лишних, как водится, слов
В ней сегодня стоят вереницы
Орудийных укрытых стволов.*

Роман ЛЕВИН

В книге лауреата Ленинской премии С. С. Смирнова «Брестская крепость» есть глава о мальчишке, прошедшем через ужасы войны, а первые стихи этого мальчишка, «Медальон», писатель включил в свою книгу. После войны автор «Медальона» работал фрезеровщиком, но стихи продолжал писать и, выпустив несколько стихотворных сборников, стал профессиональным поэтом. Представляя его однажды читателям, С. С. Смирнов писал:

«Мальчик из Бреста» — так называют Романа Левина защитники героической Брестской крепости. Он не был в стенах цитадели над Бугом, но страшный рассвет 22 июня 1941 года застал его в пионерском лагере в той же пограничной полосе, с первым залпом немецких пушек превратившейся во фронтную полосу. Чудом оставшийся в живых, как и немногие защитники Брестской крепости, он, пройдя через круги фашистского ада, дождался до святого дня освобождения. И участники героической обороны недаром считают харьковского поэта, автора уже нескольких поэтических сборников Романа Левина своим поборником: в его стихах звучат их мысли и чувства, их суровые воспоминания, их мужественный голос».

Ну что я знаю о войне...

*Ну что я знаю о войне?!
Я не был на войне солдатом,
Но вот горит она во мне —
С весны победной
В сорок пятом.
Не мерз в окопах я, не мок
И не месил упрямо глину
Кирзюю стоптанных сапог
От Сталинграда до Берлина.
Но почему всю жизнь тогда
О ней пишу и вспоминаю?
Что я о ней, нещадной, знаю,
Чем с нею связан навсегда?
Я бы присвоить не посмел
Чужую боль, чужую славу,
Но этот горестный удел,
Но это тягостное право —
Быть кровно связанным
С войной!
Вернее, с тем прольетом крови,
Что в скорбной памяти
Надгробий
И в долгой памяти иной.
Солдаты гибли на фронтах
И умирали в лазарете,
А женам, матерям и детям
Хватало смертных мук и так.
В аду бомбежек и блокад,
Как на передовой, по сути,
Война входила в наши судьбы,
Война пыталась всех подряд.
Бредя дорогами войны,
Пацан подробней и детальней
Ее увидел не с батальной,
А с повседневной стороны.
Ну что я знаю о войне?
Солдатом не был я, но свято
Я помню главное о ней —
Весну Победы в сорок пятом.*

*Сколько щедрых полей Украины
Мы, присяге и долгу верны,
Исходили в лихую годину
По суровым дорогам войны!*

*Сквозь зеленые стебли пшеницы —
Маки, маки, — куда ни взгляни.
Нет числа им. Когда появиться
Здесь, на поле, успели они?*

*До войны ли их здесь засеивали
Или выросли сами? Как знать!
Средь колосьев в безмерной печали
Пламя алое стало пылать.*

*Поле, поле! Издревле прекрасны
И приволье твое, и покой.
На войне человек ежечасно
Тяготится своею бедой.*

*Красота? От нее отвыкаем...
Сколько маков цветет над рекой!
Это поле — мы все это знаем —
Сплошь забрызгано кровью людской.*

1944.

Перевел с чувашского
Владимир АЛЕЙНИКОВ.

Лебеди в Брестской крепости

*Подмывает вода кружевные закраины.
Любопытными клювами тронув ледок,
Белый лебедь плывет с белокрылою кралею
В лабиринтах речных незамерзших проток.
Отразились в реке крепостные развалины,
Оголенные вербы и сваи моста.
Легендарных фортов имена и названия,
Словно свет, осенила собой красота.
Не припомнит никто, чтоб когда-нибудь лебеди
Прилетали сюда посреди декабря,
В мягком шорохе крыльев, в гогочущем лепете,
Угощение из рук человека беря.
Изгибаются шеи легко и возвышенно,
Далью лет и судьбой своей отрешены
От гремящего над головами и крышами
Из незримых динамиков гула войны.
Имитирует запись то утро. Над полднями,
Над закатами каждые четверть часа
Сотрясается небо, чтоб знали и помнили
Те, кто, к счастью, войны не видали в глаза.
Вот она, грохоча, к рубежам приближается,
Крестonosные крылья во мгле распластав,
Вот она в крепостных казематах сражается,
Полыхает огнем пограничных застав.
Говорит Левитан, трагедийною вестью
Потрясая сердца, поднимая страну.
Безымянных солдат лебединая песня —
Брест, где выпало встретить и кончить войну.
В первый день, и на завтра, и через неделю
Здесь их жертва и здесь их победа была.
Это белые лебеди к ним прилетели,
Это юность недолгая их ожила.
Это письма родных, что всю жизнь их искали,
Это платья невест, что белели вдали,
Это вьюги, что бугскую гладь расплескали,
Это смуты, что мир и покой обрели.
Словно память по незамерзающим водам,
Как любовь и надежда, что в сердце живут,
В нашем мире тревожном сквозь годы и годы
Пусть всегда лебединые стаи плывут.*

ВОЗ К С

Читатель —
«Смена» —
читатель

Каждому человеку перед объявлением приговора предоставляется последнее слово. Специальный корреспондент «Смены» В. Попов своим открытым письмом, опубликованным в журнале, устроил своего рода общественный суд надо мной. Многие из сказанного в том горьком для меня письме изображают мои отношения с Игорем не совсем так, как они складывались в действительности. Поэтому я решил использовать свое право на «последнее слово».

Сразу скажу, что руководствуюсь в данном случае не только и не столько желанием самооправдаться. В конечном счете корреспондент прав, утверждая: «Если сын растет никудышным гражданином, значит, виноваты родители, и в первую очередь отец». Согласен, это, наверное, аксиома. Вот только понимание ее приходит иногда слишком поздно. Как случилось это и со мной. О многом я передумал за год, прошедший после ареста Игоря. И потому просто хочу поделиться некоторыми мыслями с молодыми отцами, чтобы кому-нибудь еще когда-то не пришлось провести долгие дни в думах над открытым письмом, полученным мною.

Начну с конца. Недавно я побывал в колонии, где уже около года находится сын. Увидел высокий забор с колючей проволокой, за которым Игорь отбывает наказание. Разговаривал с воспитателями, учителями, начальником колонии. Об Игоре все отзываются только положительно. Он входит в состав актива, помогающего педагогам. Разве это не говорит о том, что в парне семьей были заложены и хорошие качества? Вот почему эти качества не проявились раньше? Думаю, этот вопрос стоит задать не только мне, но и всем, с кем сталкивался Игорь до своего осуждения. И прежде всего школьным учителям, видевшим в моем сыне лишь лентяя, двоечника и грубияна.

В одной из комнат административного здания колонии очередной прием вел юрист. Он разрешил мне присутствовать на беседах с колонистами. Один за другим в комнату входили коротко стриженные ребята в одинаковых синих формах с фамилиями на кармане. Спокойные, вежливые, выдержанные. Спрашивали в основном, как добиться условно-досрочного освобождения.

У большинства оказалась та же 206-я статья Уголовного кодекса, по которой за хулиганство был осужден и Игорь. Дрались в разных местах и по разным поводам. Как правило, «зарядившись» спиртным.

Я спрашивал ребят, что толкнуло их на преступление. В чем видят сами они теперь, проведя год-два в колонии, причины отклонений от нормального пути. Ответы в основном сводились к тому, что было слишком много свободного времени и они не знали, как правильно им распорядиться. И еще влияние старших друзей, вожакoв компаний, подобных Шмыреву.

С тревогой ждал я, не укажет ли кто на семью. Нет, ни один не сказал, что виновником своего осуждения считает родителей, отца.

Наконец наступила минута, из-за которой я проделал неблизкий путь. В помещение для свиданий вошел Игорь... Сильно похудел, исчезли по-детски пухлые щеки, тоньше и длиннее стала шея. Особенно поразила меня стриженная голова.

Довольно долго мы смотрели друг на друга. Словно заново познакомились.

— Здравствуй, Игорь, — выдавил я из себя.

— Здравствуй, папа, — услышал в ответ.

Как давно он не называл меня «папа»! Последнее время все обходилось «отцом», а то и вовсе без

ВРАЩЕННЫЕ ВИНУ

Взаимная ответственность поколений, их умение понять друг друга, увидеть за частностями общие заботы — залог нравственной силы, морального единства общества.

Очень разные и интересные отклики пришли в редакцию на публикацию открытого письма отцу Игоря Прохорова («Чужой сын», №22, 1984 г.). Напомним читателям, что в этом письме шла речь о суде над подростками, избившими незнакомого им человека только за то, что он не прошел мимо их хулиганских выходок.

Получила редакция письмо и от самого Сергея Гавриловича — отца Игоря Прохорова, к которому обращался наш корреспондент через журнал. Письмо это, нам кажется, заслуживает того, чтобы быть опубликованным.

обращения. Да и разговоров, признаться, сколько-нибудь долгих у нас уже давно не получалось. Спросишь: «Как дела?», он отмахнется: «Нормально». И за дверь. Как, видимо, и во многих других семьях, сыновья которых теперь здесь. «Слишком много свободного времени».

Поговорили о распорядке дня, учебе, работе.

— Трудно жить по режиму?

— Первые месяцы было трудно. Теперь уже привык.

О самом преступлении и суде мы не говорили. Лишь в конце свидания я попросил у сына прощения.

— За что? — удивился Игорь.

— За то, что ты здесь. Два года в колонии... Плохо, значит, смотрел за тобой. Просмотрел...

— Ты тут ни при чем, — отрезал сын.

У меня словно гора свалилась с плеч. Дорогим подарком прозвучали эти слова похудевшего, повзрослевшего сына. Вот так-то, товарищ Попов, подумал я. Пишите, что придумаете, клеймите, как хотите, а родной сын, моя плоть и кровь, на меня не в обиде. У него своя жизнь, он совершил собственную ошибку, добровольно выбрал себе друзей и теперь сам искупает вину за совершенное преступление.

Но это я только поначалу обрадовался. Первые несколько дней после свидания ходил спокойный. Потом уже, значительно позже, пришли новые мысли.

Да, я, конечно, могу отделить себя от преступления, совершенного Игорем. Здесь я действительно «ни при чем». Поэтому, кстати, а не по каким-то другим причинам я и не пошел в суд.

Но могу ли я, имею ли моральное право отделить себя от сына вообще? Снять с себя родительскую ответственность за то, что вырастил не того человека, какого хотел бы? И разве не логическим завершением нашего взаимного отчуждения, «несложившихся отношений», как правильно пишет корреспондент «Смены», стал тот трагический для нашей семьи «обычный зимний вечер»?

Сын по молодости лет мог не видеть всю цепочку. Юность не задумывается над глубиной причинно-следственных связей. Но мы-то, взрослые, и, видимо, родители в первую очередь, должны же задумываться. И я снова и снова вчитывался в строки открытого письма. Мысленно искал ответы на жесткие, справедливые вопросы, поставленные передо мной журналистом.

«Как вы допустили, что единственный сын совершенно перестал считаться с вами?»

А ведь действительно перестал. Хотя бы потому, что даже внешне выглядел совсем не так, как мне бы хотелось. Когда это произошло? В шестом он как будто был еще вполне управляемым, послушным мальчишкой. А вот в седьмом Игоря словно подменили.

Нет, я не считал воспитание сына «тяжкой обузой», немужским занятием. Но если быть до конца честным, то действительно излишне передоверился жене и школе. Как-то так получилось, что все родительские собрания посещала именно жена. И опять ловлю себя на неполной правде. К сожалению, получилось это не случайно. Я просто не сумел найти общего языка с классным руководителем и некоторыми другими учителями.

Когда Игорь стал хуже учиться, мне показалось, что виновны в этом как раз педагоги. Дома ничего не изменилось, парень вроде тот же, и вдруг в пятом классе посыпались двойки. На собрании я услышал упреки в свой адрес. К публичному унижению, не привык, вспылил и высказал в ответ свою точку зрения. Естественно, после этого в школу стала ходить только мать. Как будто ничего особенно тревожного она не приносила, я и успокоился.

Дальше В. Попов спрашивает: «Кто должен был открыть Игорю истинное обличье нового «друга»? Полагаю, что вы, Сергей Гаврилович. Но вы вряд ли даже знали в лицо Шмырева».

Действительно, я никогда не видел в лицо этого, как выяснилось, ближайшего друга и «поводыря» Игоря. Компания Шмырева стала еще одним предательским «союзником» в моих отношениях с сыном.

Все мальчишки растут в компаниях — уличных, дворовых. Так было в мое время, почти тридцать лет тому назад, так водится и теперь. Наверное, это закон возрастной психологии — для подростка важнее всего общение со сверстниками. Все мы прошли через это. И ничего плохого в принципе тут нет. Ну, а если в частности...

Вот я думаю: узнай я вовремя, с кем связался мой сын, что можно было бы сделать? Ведь притяжение сверстников куда сильнее родительских нотаций... Нет, опять я выискиваю для себя самооправдание. Сделать наверняка можно было что-то. Ведь я радиолубитель с большим стажем. До шестого класса и Игорь любил выходить со мной в эфир. Потом куда-то подевался. Мне даже обидно стало: ну, не хочешь, так не хочешь. А пригласи я их тогда вместе с Мишкой Шмыревым, вдруг все сложилось бы иначе...

Сейчас, когда я знаю исход моих несложившихся отношений с сыном, я вижу и еще один выход из положения. Года три назад с нашего предприятия уволился хороший специалист. Выглядело это увольнение очень странно. В коллективе он пользовался большим авторитетом, работал с увлечением над перспективной темой, сулившей ему научную степень, и вдруг...

Слышал я краем уха, что у него неладно с сыном, но тогда не придал этому значения. Недавно разыскал, поговорили. Ситуация оказалась очень похожей на мою. В старших классах, начиная с седьмого, его сын сильно задурил. Отец в отличие от меня не пустил дело на самотек. Ходил часто в школу, пытался записать сына в кружки, брать с собой в походы. Видел: все бесполезно — компания явно перетягивала. Сын все сильнее грубил, все меньше считался с родительскими словами, и тогда отец пошел на крайнюю меру: их семья переехала в другой город. Недалеко от нашего, но окружение сменилось полностью. Не сразу, но парень выправился. Окончил школу, теперь уже студент института.

Вот, оказывается, и такой метод есть в арсенале борьбы с «трудностью» собственного сына, его привязанностью к плохой компании. Только родителям надо уметь жертвовать своим благополучием. Раньше я этого не понимал.

Знал ли я, чем может кончиться отчуждение Игоря от дома, от семьи, его плохая учеба, полное растворение в молодежном «балдеже»? Честно скажу: не думал, что мой сын способен совершить преступление, не мог в это серьезно поверить. Всегда считал, что преступники вырастают совсем в других семьях. В подобных Шмыревой, как она описана в открытом письме.

«Почему классически «трудная» семья Шмыревых и не менее классически «благополучная» семья Прохоровых вырастили, по сути, одинаково запущенных и распущенных детей?»

Такой вопрос задал мне и предложил задуматься, почему так произошло, корреспондент «Смены». Что ж, как ни горько, но приходится признать его правоту. Да, одинаковое преступление, одинаковое наказание, одна компания. При всей разнице наших семей был в них один общий враг. Одним словом его можно назвать — «инерция». Жизнь день за днем, месяц за месяцем шла в наших семьях по заведенному поряд-

ку: у Шмыревых — выпивки, ругань, рукоприкладство, у нас — лаковый и хрустальный порядок, телевизор, мое хобби — радиодело. И от того, и от другого нашим детям хотелось убежать. Они и убежали.

Что-то неладное я чувствовал давно. Кажется, это называется моральным дискомфортом. Время от времени пытался даже поговорить с Игорем. Но ничего путного не получалось. Он лишь ждал момента, когда закончится моя нотация и можно будет удрать. Я видел это, злился и вместо спокойного душевного разговора срывался на осуждение его поведения, а то и угрозы. Нужен был какой-то совсем другой подход. Но всерьез поискать его я так и не успел. Инерция!

«Чем вы его встретите? Упреками и презрением: дескать, подвел семью, уронил фамильную честь? Или сумеете увидеть, оценить и осмыслить и свою долю вины в преступлении?»

Думаю, на эти вопросы я уже ответил. Игорь был, есть и всегда будет моим сыном. К сожалению, единственным. В свое время не сумел убедить жену родить второго ребенка. Сын или дочь могли бы стать мощным, самым искренним и надежным союзником в воспитании старшего брата.

Наконец, о «любви к ближнему». В нормальных семьях это чувство, конечно, присутствует, является фундаментом домашнего очага. Когда Игорь был маленьким, любви в наших отношениях вполне хватало. Но, прокручивая сейчас по совету корреспондента ленту памяти, вижу, что с годами все менялось не в лучшую сторону. Появились недовольство, раздражение, стыд. Стыд за сына, стремительно приобретающего черты «трудного» подростка. И за себя, бесильного пресечь это движение.

Может быть, главный урок пережитого мной заключается в том, что я в корне переосмыслил свою семейную жизнь, посмотрев на нее не только своими глазами, но и со стороны? И глазами сына в том числе. И мне стало ясно, что у Игоря тоже хватало поводов быть недовольным, огорченным, раздраженным...

В колонии я спрашивал ребят, часто ли они получают письма от родных, сами пишут домой. Ответы были разные. Некоторые и пишут, и получают письма регулярно. Видно, что они скучают по дому, рвутся в родную семью. Другие относились к переписке спокойно. А один парнишка меня поразил: «Не писал и не собираюсь».

До нашего свидания Игорь писал редко и мало. Уже после моей встречи с ним пришло два длинных письма. Но дело, конечно, не в количестве строк. Изменился сам тон его писем. Был сухим. Стал теплее. Так что надежда на то, что «из тлеющих под пеплом угольков удастся раздуть спасительное пламя», заметно окрепла.

И последнее, чем хочется мне поделиться с отцами ребят, отбивающихся от дома. И что я вынес опять же из посещения колонии. Так вот: на мои вопросы, почему свободное время ребята проводили обязательно на улице, в компании, где выпивка считалась непереманным занятием, почему не оставались дома, с родными, они все отвечали в один голос: «Дома неинтересно». Понимаете? Неинтересно! Вчера, сегодня, завтра... месяцы и годы. Тут, по-моему, нам, родителям, есть о чем думать и думать.

Секции, кружки, клубы могут найтись. Но за нравственное становление, за обретение нашими сыновьями человеческого достоинства ответственны прежде всего мы, отцы. Спасибо «Смене», что она помогла мне, хоть и с опозданием, осознать эту истину. Всем семьям, всем родителям я желаю понять это как можно раньше.

С уважением.

С. Г. ПРОХОРОВ.

Рассказ Л. Бежина, который мы предлагаем сегодня вниманию читателей, ясно и непримиримо раскрывает всю губительность стремления некоторых людей «утопить в вине» те сложные проблемы, которые встречаются в их жизни. В результате рушится семья, уродуется внутренний мир личности, отворачиваются самые дорогие люди...

Думается, рассказ не оставит читателей равнодушными и они расскажут в письмах о тех уроках, что вынесли из него.

Леонид БЕЖИН

РАССКАЗ

Удивительная вещь! — говорит Лев Валерьянович Зимин, мужчина сорока, с покатыми плечами и большим лицом, который до сих пор занимает должность младшего научного сотрудника одного московского института, и в его словах вместе с желанием заинтересовать слышатся нотки вызова и готовность обидеться, если с ним не согласятся, не поймут, не проявят должной внимательности. Одет он в домашнюю кофту с разными пуговицами и тренировочные брюки, застиранные до неопределенного белесого цвета и давно потерявшие форму, на его огромных босых ногах женские шлепанцы с пушистыми помпонами, и, глядя на него, никто не скажет, что он причастен к тайнам органической химии, у себя в институте носит выглаженный белый халат и весь его стол заставлен колбами и пробирками с искусственными смолами. Из комнат его вытеснили дети, мешающие ему своей бегом и криками, поэтому сейчас он сидит на порожке кухни, держит перед собой раскрытую библиотечную книгу и блюдечко с пенками клубничного варенья, которое варится на плите. И говорит он это, обращаясь к жене Светочке, маленькой рыжеволосой женщине, работающей в том же институте, но к тому же успевающей заниматься детьми и хозяйством.

— Удивительно! Ты когда-нибудь слышала о кинто? В старом Тифлисе так называли людей, праздно шатающихся по городу и проводящих время в пирушках, дружеских застольях и всевозможных приключениях.

Жена отвечает мужу одним из множества белых взглядов, которые она умеет бросать на кастрюлю с вареньем, закипающий чайник, моющуюся в раковине посуду и наполненную накрытый к обеду стол, и тем самым как бы подчеркивает, что при всем ее внимании к удивительным вещам она вынуждена заботиться о вещах обычных и прозаических, поскольку этого, кроме нее, никто не делает. Лев Валерьянович чувствует адресованный ему упрек (Светочка со вчерашнего дня просила закрепить фанерку, вставленную в дверь террасы вместо разбитого стекла, и подкачать шины детских велосипедов), но по-мужски заставляет себя сдержаться, и зачерпывает ложечкой пенки клубничного варенья, и словно бы сравнивает их вкус с таким же сладким плодом собственного воображения.

И всеми своими мыслями он там, среди уличных шарманщиков, бородатых жандармов и беспечных кинто, и ему кажется, что он высоким голосом поет грузинскую песню. Жена устало вздыхает:

— Фанерку бы закрепил. Или ты решил теперь стать кинто? Но ведь ты же не грузин! У тебя равнинный темперамент!

Она смеется, как бы смягчая свой смех готовностью тотчас же стать серьезной и понимающей, если он вдруг обидится и сочтет себя задетым. Лев Валерьянович, раз уж он решил быть мужчиной, великодушно прощает жене и этот смех, и назойливые напоминания о фанерке.

— Главное не в темпераменте, а в отношении к жизни, — говорит он, забирая назад свою книгу и бережно закладывая страницу выцветшим календарным листком. — Можно и в Москве быть настоящим кинто.

Подобные разговоры часто возникали в семье Зиминых, и объяснялись они тем, что Лев Валерьянович страстно любил читать и отношение к книгам у него было свое, особенное, можно даже сказать, фантастическое. Он, к примеру, всячески избегал литературы, необходимой ему для работы, и его невозможно было усадить за специальный реферат или статью (может быть, поэтому он до сих пор не защитил диссертацию), но зато он сотнями проглатывал книги общего профиля, не имеющие никакого отношения к искусственным смолам и проблемам органической химии. Лев Валерьянович зачитывался поэмами, драмами, романами, многотомными эпопеями, скрупулезными историческими исследованиями, справочниками и энциклопедиями, лишь бы они содержали нужную ему информацию. Информация эта была особым свойством Льва Валерьяновича не интересовали ни захватывающий детективный сюжет, ни хитросплетения любовной интриги, ни пикантные исторические подробности, ни красоты литературного стиля, а все его внимание целиком поглощало один странный предмет. Он выискивал в книгах способы жизни разных людей — от королей и полководцев до поэтов и отшельников, от императриц и придворных дам до гетер и куртизанок — и извлекал рецепты, пригодные для его собственной жизни рядового горожанина.

Стоило ему прочесть, что древнегреческие философы вели беседы с учениками, прогуливаясь по саду, что в древнем Китае поэты писали стихи на пальмовых листьях, а среди индейцев Америки было принято носить у пояса сосуды с ароматическими веществами, чтобы по запаху вызвать в памяти то или иное событие, и Лев Валерьянович тотчас же подстраивал под это свою собственную жизнь. Беседы в саду — хорошо, вот и он будет философствовать у себя на даче, прогуливаясь под яблонями, совсем как Аристотель или Платон; стихи на пальмовых листьях — прекрасно, вот он возьмет зубчатый кленовый лист (не унижаться же до рабского копирования древних!), переписшет фломастером стихотворение Фета и преподнесет жене; изобретение американских индейцев — что может быть проще, он давно заметил тончайшую связь между запахом и воспоминанием, и в этом смысле он тоже индеец с перьями на голове и татуировкой на теле! Так он охотился за способами жизни, испытывая при этом хищный азарт коллекционера или собирателя древностей, но если коллекционер стремится к обладанию редкой и необычной вещью, то Лев Валерьянович мечтал отыскать или синтезировать наподобие искусственной смолы свой способ жизни, который сделал бы его счастливым и всем довольным.

Его собственная жизнь, как он считал, складывалась не слишком удачно: и дома, и в институте Лев Валерьянович недобирал по шкале, недотягивал до палки и, словно бы взяв разбег, останавливался у черты препятствия. Сколько раз он обещал себе бережнее относиться к жене, помогать ей в созидании

домашнего уюта, понимать и слышать ее, как понимают и слышат близкого человека! Светочка всеми силами стремилась к их общему семейному благу, включающему в себя и Льва Валерьяновича, и его детей, и все то, что их окружало, но Лев Валерьянович словно берегся от этого общего, не доверял ему и старался сохранить неприкосновенным тот уголок, где мог затаяться и спрятаться он один. Жена считала его замкнутым, тяжелым человеком с неуживчивым характером, непробиваемой стеной и к тому же не слишком аккуратным в быту (Лев Валерьянович упрямо не позволял выбросить белесые тренировочные брюки и шлепанцы с помпонами), дети словно не замечали его, и он передвигался по комнатам как некий посторонний предмет, залетевший сюда из другой галактики. То же самое происходило и в институте: рано утром он облачался в белый халат, и вокруг него образовывался вакуум, пустота, разреженное пространство, по которому ему передавались лишь условные команды и сигналы. Начальство отзывалось о нем как о зурядном работнике, без инициативы, без творческой искры, и поручало ему лишь самые неинтересные задания. Сослуживцы избегали приглашать на пикники и в гости. Буфетчица подсовывала черствый сыр и несвежую сметану. Одним словом, во всем ему упорно не везло, и Лев Валерьянович был слепо уверен, что дело лишь в рецепте — способе жить, который ему неизвестен, но который можно отыскать в книгах.

Поэтому он целыми днями читал, читал и читал. Он держал раскрытую книгу в рабочем столе, выдвигая его тайком от начальства, он прислонялся с книгой к дверям метро и присаживался вечерами на порожек кухни. Уж если он по профессии научный работник, рассуждал Лев Валерьянович, и занимается синтезированием искусственных смол, то пусть это отразится и на его жизни: скажем, интерьер его кабинета напоминает лабораторию средневекового алхимика, повсюду стоят причудливые колбы и реторты, под тиглями бушует злое пламя, а сам он похож на Фауста, носит какой-нибудь невообразимый костюм, а на плече у него сидит ворон! Вот тогда-то он показался бы всем человеком таинственным и загадочным, и никакая буфетчица не подсунула бы ему черствый сыр! Но, увы, ничего похожего в его жизни не было, и то ли по нерешительности самого Льва Валерьяновича, то ли по вине всемогущих обстоятельств (невообразимый костюм в обычном ателье не сошьешь, да и зарплата не хватит!) получалось так, что его профессия — сама по себе, а жизнь — сама по себе.

— Пора обедать. Долго мне тебя ждать! — говорит Светочка, разлив по тарелкам протертый суп с гречками, который Лев Валерьянович ненавидит всей душой, но сказать об этом не смеет, потому что Светочка считает эти супы полезными и вкусными. Дети доедают второе и ждут вознаграждения за то, что ничего не оставили в тарелках. Они оба очень любят клубничные пенки, и Светочка хочет их обрадовать. Но оказывается, что пенки съедены Львом Валерьяновичем: он настолько увлекся рассказом о кинто, что забыл о собственных детях.

— Мама, а пенки будут? — в один голос спрашивают Еремей и Устинька.

— В следующий раз. В следующий раз я обязательно вам оставлю. Я знаю, как вы их любите. — Последняя фраза Светочки обращена к мужу и служит ему упреком.

Лев Валерьянович смущен и растерян. Он сам не понимает, как ему удалось

ПОСЕЛЕД

опустошить целое блюдце клубничных пенек, и от стыда готов провалиться сквозь землю.

— Конечно же, в следующий раз! — малодушно подхватывает он. — Смотрите, сколько у нас клубники! Хватит на несколько банок варенья!

— Я хочу сейчас. Почему ты не оставила? — хнычет Еремей, не замечая восклицаний отца и упрямо обращаясь к матери, словно она виновата в исчезновении любимого лакомства.

— Я тоже хочу. Почему?! — требует свое Устинька, стараясь не отстать от брата и вовремя поделиться своей обидой, чтобы в будущем иметь с ним равные права на пенки.

— Потому что ваш папа их съел, — говорит Светочка, уставшая защищать и выгораживать мужа. — Обращайтесь к нему.

Несколько секунд дети растерянно смотрят то на отца, то на мать, не понимая, какую игру они с ними затеяли, но пустое блюдце из-под пенек возвращает их к суровой — без всяких игр — действительности.

— Зачем ты съел наши пенки?! Мы тебя не любим! — кричит Еремей, и Устинька, во всем старающаяся не отстать от брата, тоже подхватывает:

— Мы тебя не любим! Не любим!

Лев Валерьянович приоткрывает рот от изумления и как бы глотает эти слова, чувствуя их едкий вкус в горле. Его большое лицо краснеет, голова уходит в покатые плечи, и тапочки на огромных босых ногах кажутся совсем кукольными.

— Не любите?! И не надо! — с обидой отвечает он, бьет о пол блюдце, а затем вместе со Светочкой долго собирает осколки.

Лев Валерьянович привез жену с Севера, где он бродяжничал на закате вольных аспирантских лет с рюкзаком, с палаткой, в компании бородатых химиков, предрекавших великое будущее отечественным полимерам и слагавших под бульканье закопченного котелка незамысловатые туристские саги. Лева Зимин в ту пору тоже был молод и бородат, тоже предрекал и пророчествовал, подставляя костру промокшие кеды и вычерпывая из котелка вареную картошку, перемешанную с тушенкой (райское блюдо, пища богов!). На аппетит он не жаловался, чувствовал себя отменно здоровым и в своем собственном будущем был уверен так же, как в будущем полимеров. За высокий — метр восемьдесят четыре — рост и сорок седьмой размер обуви товарищи прозвали его Добрыней Никитичем, а за успешные выступления на студенческих конференциях называли Менделеевым. В этих двух ипостасях — силача Добрыни и мудрого Менделеева — он и предстал впервые перед Светочкой: она сидела на скамейке городского парка и читала на песке химические формулы (готовилась к летней сессии), а он подошел сзади, прутником исправил ошибку и, когда она обернулась, улынулся ей широко и открыто. Одним словом, предстал, покорила и увез.

НИШКИ ВШНТО

Первые годы их жизни ему было особенно удивительно чувствовать, как вместе со Светочкой в его московской квартире поселилось нечто (неуловимое дыхание, вкус, запах?) северное, звонкое, морозное, похожее на название местечка, где она родилась, — Соломбала. И он восхищенно повторял на разные лады: «Соломбала! Соломбала!» Если бы у нее спросили тогда, чего она хочет больше всего на свете, она бы смело ответила: такой жизни. Не какой-нибудь необыкновенной вещи или возможности, недоступной другим людям, а именно жизни, такой, какая она есть. Эта жизнь нравилась ей, делала счастливой, наполняя ее целиком, и Светочка не могла даже представить, чтобы та же самая жизнь теперь внушала совершенно противоположные чувства тоски и отчаяния.

Но случилось именно так, и кто был виноват в этом, она не знала. Муж ни разу не предал ее, не совершил ни одного злодейского поступка, за который его можно было бы обвинить. Так, может быть, виновата сама жизнь? Жизнь изменилась, жизнь стала другой, они были просто не в силах этому помешать. А что, если жизнь состоит из их же собственных мелких и незаметных поступков, которые затем складываются во что-то крупное и значительное? Все эти вопросы они задавали себе, чувствуя неудовлетворенность и собой, и друг другом, и всеми людьми, которые их окружали. Лев Валерьянович возвращался домой усталым и раздраженным, жаловался на интриги в лаборатории, на то, что ему не дают продвинуться, перекрывают кислород, как он любил выражаться, а Светочка, слушая его, понимала, что никто ему не мешает, не перекрывает никакой кислород, просто он сам потерял интерес к полимерам, мономерам и искусственным смолам и Менделеев из него не выйдет. Она вовсе не отчаялась из-за этого и готова была ждать дальше — только бы ждать, стремиться к чему-то, он же словно нарочно замер на месте. Она видела на нем одни и те же тренировочные брюки, кофту и шлепанцы, слышала одни и те же просьбы о том, чтобы ему не мешали, и временами ей мучительно хотелось не быть с ним, уехать в Африку, в Гималаи или вернуться навсегда в Архангельск.

— Это что за новости! Одиннадцать часов, а ты не спишь! А ну, марш в кровать! Сейчас же! А не то я разбуджу маму, и она тебя строго накажет! Ты слышишь?! Я не шучу! Марш сейчас же в кровать! — Лев Валерьянович не знает, как вести себя с сыном после недавней ссоры, и, боясь остаться с ним наедине, больше сердится на самого себя, чем на Еремея. На кухне горит настольная лампа и светится шкала транзисторного приемника. Лев Валерьянович сидит на табуретке — одинокий, несчастный, ссутулившийся, и его сиротливая тень похожа на отлетевшую душу. Перед ним — в круге желтоватого света — листок бумаги, вырванный из телефонной книжки. В руке — плохо наточенный карандаш с выпадающим грифелем. Еремей стоит на пороге кухни, босой, в ночной

пижаме, и щурится от яркого света. Волосы его всклокочены, одна щека намята подушкой, и в уголке губ застыла слона. Видно, что он спал, но почему-то проснулся. Лев Валерьянович приглушает звук приемника и спрашивает уже спокойнее и тише: — Тебе что-нибудь нужно?

— Я хочу пить, — отвечает Еремей, как бы поддаваясь более примирительному тону отца, но еще не настолько, чтобы высказать ему всю правду.

— Хорошо, налей себе воды. Из-под крана не пей. Из чайника. — Лев Валерьянович руководит действиями сына, выполняя лишь то, о чем тот просит.

— Папа, я сказал тебе неправду. Я тебя очень люблю, — шепчет Еремей, разглядывая линолеум и поджимая от холода пальцы босых ног.

— Вот оно что! — Лев Валерьянович чувствует, что у него першит в горле и глаза пощипывают от слез. — Поэтому ты не спал! Что ж, спасибо, мальш. Я тоже тебя очень люблю и рад, что мы помирились.

Лев Валерьянович отворачивается.

— А что это ты пишешь? — Еремей показывает на исчерканный листок бумаги.

— Это? Вряд ли тебе интересно... Просто я вспоминаю кое-какие формулы. Мне нужно для работы. — Он все еще не решается повернуться лицом к сыну. — Знаешь, у меня это получилось нечаянно. Я сам не заметил, как съел эти дурацкие пенки. Такое ведь бывает, правда? Не стоит обижаться.

— Я не обижаюсь. Расскажи мне что-нибудь, — просит Еремей, тоже усаживаясь на табуретку и вместе с ней придвигаясь к отцу. — Расскажи немножечко. О рыцарях...

— А ты обещаешь, что после этого сразу ляжешь в кровать?

— Обещаю. — Еремей теснее придвигается к отцу.

— Ну, слушай. — Лев Валерьянович наклоняется к самому уху сына. — В одной восточной стране жили люди, называвшие себя странствующими рыцарями. Это не означает, что они были закованы в железные латы, носили на голове шлем и устраивали рыцарские турниры. Нет, они были рыцарями по духу, а их одежда порою ничем не отличалась от одежды других людей. Правда, они умели владеть мечом, были очень сильными и ловкими, но зря этим не хвастались и доставали меч из ножен только тогда, когда нужно было заступиться за несправедливо обиженного человека. А вообще они вели удивительную жизнь, полную всевозможных приключений. Люди радовались, когда их встречали. Крестьяне и дровосеки приглашали их в дом, а хозяева трактиров и постоялых дворов угощали вином и рисом.

— Папа, а почему ты не пьешь вина, а только соленую воду в бутылках? — спрашивает Еремей.

— Видишь ли, у меня немного пошаливает печень. К тому же главное не в вине, а в отношении к жизни. Без вина всегда можно обойтись.

— А почему мы с тобой больше не путешествуем?

— Наверное, потому, что у нас с тобой мало времени. Тебе надо готовиться к школе, ведь этой осенью ты идешь в первый класс. А я бываю занят на работе, да и дома достаточно дел.

— А помнишь, как мы раньше путешествовали?

— Конечно, помню, малыш. — Лев Валерьянович обнимает сына, как бы вспоминая вместе с ним то, что без него бы давно забылось и исчезло в глубине памяти...

В тот день они решили встать раньше всех и отправиться в путь ранним утром, но Еремей никак не желал просыпаться, и Лев Валерьянович с Устинькой долго трясли его за плечо и стаскивали с него одеяло, пока он, наконец, не приподнялся в постели и с сонной обидчивостью не посмотрел вокруг. «Скорее одевайся, соня несчастный!» — зашептала Устинька, напяливая на старшего брата майку, рубашку, походную куртку с капюшоном и до самого подбородка дотягивая застежку-«молнию». Брюки и резиновые сапоги Еремей надел сам. Сам же нахлобучил старую зеленую фуражку, в которой Лев Валерьянович вернулся с военной службы (служил он на Дальнем Востоке, в погранвойсках), достал приготовленную с вечера суковатую палку, такую тяжелую, что идти с ней было гораздо труднее, но Еремей, как его ни уговаривали, не соглашался ее оставить. Лев Валерьянович по-походному пристроил за спиной рюкзак, а Устинька взяла корзину для грибов, и втроем они двинулись.

Утренний воздух был прохладен и влажен, даже как-то тяжел от питательности влагой, как-то странно неживым, мягок и пуст, и в тумане едва заметно розовела дорога, поблескивая надтреснутыми зеркальцами лужиц, кусты орешника едва удерживали на ветках снежные комья тумана, и узоры белой грибной плесени казались солью, рассыпанной в траве. Все смешивалось в их воображении, и соль и снежные комья, что-то непременно казалось чем-то, и они не успевали улавливать причудливые и волшебные сходства. В овраге нашли землянику, и каждый набрал по несколько горстей, а затем Устинька наступила на дедушкин табак, и из-под ее ног выпорхнул легкий серый дымок. «Что это?» — испугалась она. «Лесной старик курит трубку», — пошутил Лев Валерьянович. «Какой это старик? Леший?» — спросил Еремей, всегда любивший точные названия предметов. Лев Валерьянович задумался и осторожно попробовал ответить, что, пожалуй, и леший, а может быть, и... Как нарочно, ничего не приходило в голову, но в это время Устинька вскричала: «Старичок-лесовичок! Он такой маленький, весь из желудей и скорлупок!» «Где ты такого видела?» — удивился Лев Валерьянович. «Сама придумала». «А мы можем такого сделать», — предложил он, и они стали разыскивать прошлогодние желуди и скорлупки... Потом устроили привал, развели костер и позавтракали... Потом набрали на поляну белых грибов... Потом искупались в теплом лесном пруду и насухо вытерлись мохнатыми полотенцами... Потом нашли стог сена, разбежались и прыгнули в него — сначала Лев Валерьянович, а вслед за ним Еремей и Устинька, и у всех одинаково сладко сжалось и замерло сердце, когда проваливались в обморочно душистую, резко пахнущую подопревшими цветами и травами, глухую от беззвучия бездну...

— Лева, Лева, скорее сюда! Я заняла вам место! Идите! — Дуняша Дубова, работающая с Львом Валерьяновичем в одной лаборатории и прозванная сослуживцами Ду-Ду, издала машет ему рукой в красной вязаной рукавичке. Они только что взяли штурмом автобус: Дуняша — с передней двери, Лев Валерьянович — с задней, и вот теперь она держит для него местечко, прижимая ладонь к кожаному сиденью, а он — по закону распределения труда — прячет в карман два оторванных билета. Дуняша единственная в лаборатории любит общаться с Львом Валерьяновичем, делая это как бы наперекор сослуживцам, считающим его человеком необыкновенным и странным, но Дуняша словно коллекционирует странные знакомства и намеренно окружает себя людьми, с которыми у нее, казалось бы, не должно быть ничего общего. Лев Валерьянович — один из таких, и Дуняша упорно доказывает и себе, и ему, что им судьбою назначено дружить и понимать друг друга.

— Наконец-то, а то я беспокоилась, как бы не заняли ваше место. Правда, сегодня удивительный снег? Когда я вышла из дома, я чуть было не провалилась в сугроб, а мой муж с трудом открыл дверцы гаража. Говорят, такого снега не было уже много лет.

Чувствуя, что с ним начинают общаться, Лев Валерьянович теряет и ничего не может ответить.

— Да, да, — только и говорит он, делая вид, что тоже радуется удивительному снегу.

— А что вы читаете? — спрашивает Дуняша, заметив у него в портфеле книгу с закладкой.

— Так... о Древнем Риме. — Лев Валерьянович закрывает портфель, чтобы Дуняша не подумала, будто ему интереснее читать книгу, чем разговаривать с ней.

— Вот видите, какой вы образованный человек. — Дуняша больше всего любит объяснять Льву Валерьяновичу, как к какой он. — А мне так последнее время скучно. Очень скучно жить.

Дуняша рассматривает бледные косточки пальцев, просвечивающие сквозь вязаную рукавичку.

— А знаете, почему так происходит? — Лев Валерьянович воодушевленно кладет свою руку в перчатке на руку в вязаной рукавичке.

— Интересно, почему же?

— Потому что мы живем одним способом жизни, не подозревая, что их тысячи! Мы просто не нашли еще своего собственного способа! Он есть, но мы его не нашли!

— Где же его найдешь? — неуверенно спрашивает Дуняша.

— Хотя бы в книгах. Если вы будете внимательно их читать, то извлечете такие богатства... — Лев Валерьянович открывает портфель и достает книгу с закладкой. — К примеру, что такое римский способ жизни?

— Юлий Цезарь, гладиаторы, я точно не помню... — смущенно признается Дуняша.

— Разве в гладиаторах дело! — Лев Валерьянович листает прочитанные страницы. — Римский способ жизни заключается в том, чтобы каждое желание стремиться осуществить тотчас же при его возникновении. Отсюда и происходит знаменитая римская деловитость. Нам кажется удивительным и непонятным, что Юлий Цезарь мог одновременно диктовать письма, принимать послы и так далее. На самом же деле это лишь самое обычное проявление римской деловитости, которой нам сейчас так не хватает. Много ли мы успеваем за день? Работа, магазин, отдых у телевизора — вот и все. Остальные наши желания остаются неосуществленными, порождают скуку, тоску и уныние. А между тем, если овладеть римским способом жизни, можно осуществить множество самых разных желаний.

— И стать счастливым? — спрашивает Дуняша.

— Это сложный вопрос. Счастье тоже бывает разным. — Лев Валерьянович смотрит в окно, не пропустили ли они остановку. — Во всяком случае, с помощью

римского способа легче всего подняться по служебной лестнице и преуспеть в работе.

— А вы чем-то похожи на Юлия Цезаря, — задумчиво произносит Дуняша, как бы пользуясь привилегией говорить то, что никому, кроме нее, не придет в голову...

Счастливое чувство он испытал однажды и затем по прошествии многих лет, возвращаясь к нему, спрашивал себя с суеверной боязнью ошибиться, а было ли оно именно счастьем, именно настоящим и счастьем. Было, конечно, было, именно счастьем и ничем другим, и хотя память отказывалась восстановить его во всей полноте, как бы перенес из прошлого в настоящее, восстанавливались сопутствовавшие ему признаки: ясный мартовский день, привкус талого снега в воздухе, грифельно-серая оплывшая лыжня, одиноко тянувшаяся вдоль решето бульвара, и сверкавшие на солнце плафоны уличных фонарей, над которыми поднималась испарина. Еремей с утра просил покатасть его на санках, ссылаясь на давнее обещание, которое Лев Валерьянович якобы дал, но не выполнил. Сам Лев Валерьянович этого обещания не помнил, а главное, он был завален срочной работой: ему нужно было найти идею. Не составить многостраничный отчет, не подготовить конспект выступления, а найти идею. Идею технологии, которую разрабатывала их лаборатория. До сих пор все заказчики пользовались старой технологией, но она была громоздкой и включала несколько лишних звеньев, а следовательно, требовала лишних производственных операций и материальных затрат. Поэтому в лабораторию пришел запрос на новую технологию, и вот Лев Валерьянович на все выходные обложился книгами, заправил чернилами авторучку и стал думать над идеей. Не то чтобы ему это персонально поручили, но он сам хотел. Им овладел спортивный азарт, и он словно предчувствовал, что идея должна родиться именно у него. Обложился книгами, заправил авторучку, и тут Еремей с его просьбой!

Лев Валерьянович терпеливо подвел сына к окну, показал на термометр и объяснил, что на улице ноль градусов, а при этой температуре снег превращается в воду, следовательно, по всем законам физики ни на каких санях кататься нельзя. Но Еремей больше напирал не на физику, а на обещание Льва Валерьяновича, тот наконец сдался. Махнул рукой и сдался. Достал с чердака санки, одел сына, нахлобучил ему на голову шапку и вывел на бульвар. Еремей уселся в сани, Лев Валерьянович потянул за обтрепанную веревку и — быстрее, быстрее — побежал. И вот тут-то стали возникать перед глазами призраки, и он увидел лыжню, решетки бульвара, плафоны уличных фонарей, почувствовал привкус талого снега, и досадливое сожаление — мол, отрываю от стола, не дают сосредоточиться — бесследно исчезло. Лев Валерьянович забыл о срочном задании, о необходимости искать идею и стал радоваться радостью Еремея, несущегося по бульвару в санях. Мимо осевших мартовских сугробов, присыпанных сверху крошевом льда, мимо голых деревьев с заиндевевшими бороздками коры, мимо детских качелей и каруселей. И идея внезапно родилась сама, без всяких усилий с его стороны — Лев Валерьянович даже не понял, как это случилось. Он словно и не ощущал в себе никакой идеи, даже не подозревал о ней, а она уже была, находилась в нем и жила собственной жизнью, как пойманная рыба в садке. И вот он словно просунул руку и почувствовал: есть! У него голова закружилась от счастья. «Папа, асфальт! Папа, останови!» — кричал сзади Еремей, а он не слышал и не замечал, что снежный наст уже кончился и он тащит сани по оттаявшему асфальту.

На следующий день Льва Валерьяновича — наполовину всерьез, наполовину шутя — поздравляли, и он не уставал рассказывать, как родилась идея. И все вокруг удивлялись, все радовались вместе с ним, испытывая желание потрогать Льва Валерьяновича, благоговейно прикоснуться к нему, словно бы к некоему предмету, побывавшему в космосе. Лев Валерьянович принимал это как должное, радовался и удивлялся вместе со всеми, будто бы он сам для себя был неким загадочным предметом. «Катал сьезишкы на санках. По бульвару. И вдруг чувствую...» — в сотый раз рассказывал он, и с каждым разом этот счастливый миг — вдруг! — отдалялся, рассеивался и, словно снег в воду, превращался из настоящего в прошлое. Ближе к середине дня Льва Валерьяновича стало преследовать странное чувство тоски и опустошенности, ему, имениннику, вроде бы совершенно неподобающее, и он незаметно выскользнул в коридор, затем на лестницу и, убедившись, что рядом никого нет (все поднялись и опускались в лифте), прижался лбом к холодной стене и затрясся, затрясся в немой лихорадке. Что происходило с ним в эту минуту, он не знал и не хотел ничего себе объяснять. Вернувшись в лабораторию, он сел за рабочий стол и занялся обычными делами. Но когда его снова просили рассказать, как родилась идея, Лев Валерьянович больше ничего не рассказывал...

— Товарищ Зимин, если вы не очень заняты, прошу вас зайти ко мне. — У стола Льва Валерьяновича останавливается заведующий лабораторией Абакар Михайлович и, выдержав некоторую паузу, подтверждающую значительность его просьбы, удаляется в кабинет. И эта пауза, и выражение «не очень заняты», употребленное в ироничном смысле, убеждают Льва Валерьяновича, что его ждет очередной нагоняй. Абакар Михайлович относится к тому разряду руководителей, которые стремятся воздействовать на подчиненных силой личного примера. Он сам налаживает приборы, следит за ходом реакций и даже моет пробирки и колбы, если девочки-лаборантки делают это лениво и неохотно. Поэтому слово «абакар» служит в лаборатории единицей для измерения работоспособности. Работоспособность Льва Валерьяновича оценивается сослуживцами в минус четыре абакара, и он чаще других получает нагоняи.

— Товарищ Зимин, что у вас лежит в выдвинутом ящике?

Абакар Михайлович задает этот вопрос с выражением печального всеведения, к которому признания подчиненного уже ничего добавить не могут.

— В выдвинутом ящике? Тетради, карандаш, ножницы... — Лев Валерьянович начинает перечислять предметы с самого безопасного для себя конца.

— А еще?

Абакар Михайлович так же печально и обреченно смотрит в окно.

— Еще? Всякие мелочи...

— Интересно, а какую книгу вы держите там в раскрытом виде?

— Я читаю только во время обеденного перерыва, — спешит оправдаться Лев Валерьянович.

— И все-таки какую? Дюма? Сименон? Агата Кристи?

Лев Валерьянович медлит с ответом, на зная, зачем понадобилось это уточнение.

— Дюма... — неуверенно признается он.

— Ничего подобного. Вы читаете более серьезную литературу. Но, к сожалению, она не имеет никакого отношения к вашей специальности. — Абакар Михайлович выдвигает ящик собственного стола и достает книгу, которую недавно читал Лев Валерьянович. — Я специально взял это в библиотеке. «Очерки истории итальянской культуры». Скажите, зачем вам это понадоби-

Навстречу XXVII съезду КПСС

Сергей СЕРГЕЕВ,
секретарь парткома станко-
строительного завода
«Красный пролетарий»

Многие годы завод выпускал крупными сериями универсальные станки с ручным управлением. Неплохие станки, но в прошлом году мы окончательно сняли их с производства. Дело в том, что в наше время «крутить рукоятки» — уже анахронизм (не говорю, естественно, о небольших, вспомогательных или опытных производствах, школьных мастерских — там и обычные станки неплохо служат). Универсальный станок стал тормозом в повышении производительности труда, улучшении качества продукции. И, что очень важно, неуклонно снижался престиж профессии станочника — молодых перестал привлекать ручной, малоэффективный и, прямо скажем, довольно грязный труд. Прибавьте к этому и другую проблему: где найти станочника на каждый станок при дефиците рабочей силы?

Вот почему с прошлого года мы полностью перешли на выпуск станков с числовым программным управлением, совершив тем самым коренной перелом в структуре выпускаемой продукции. Но главная особенность завода в том, что эти станки выпускаются серийно, на конвейере. Такого еще не было нигде. За год мы должны выпустить 6300 станков с ЧПУ. Другими словами, каждые 40 минут с конвейера сходит налаженный и испытанный станок. По сравнению с универсальным он даст производительность труда в полтора-два раза выше. Этими станками будут насыщаться все отрасли промышленности.

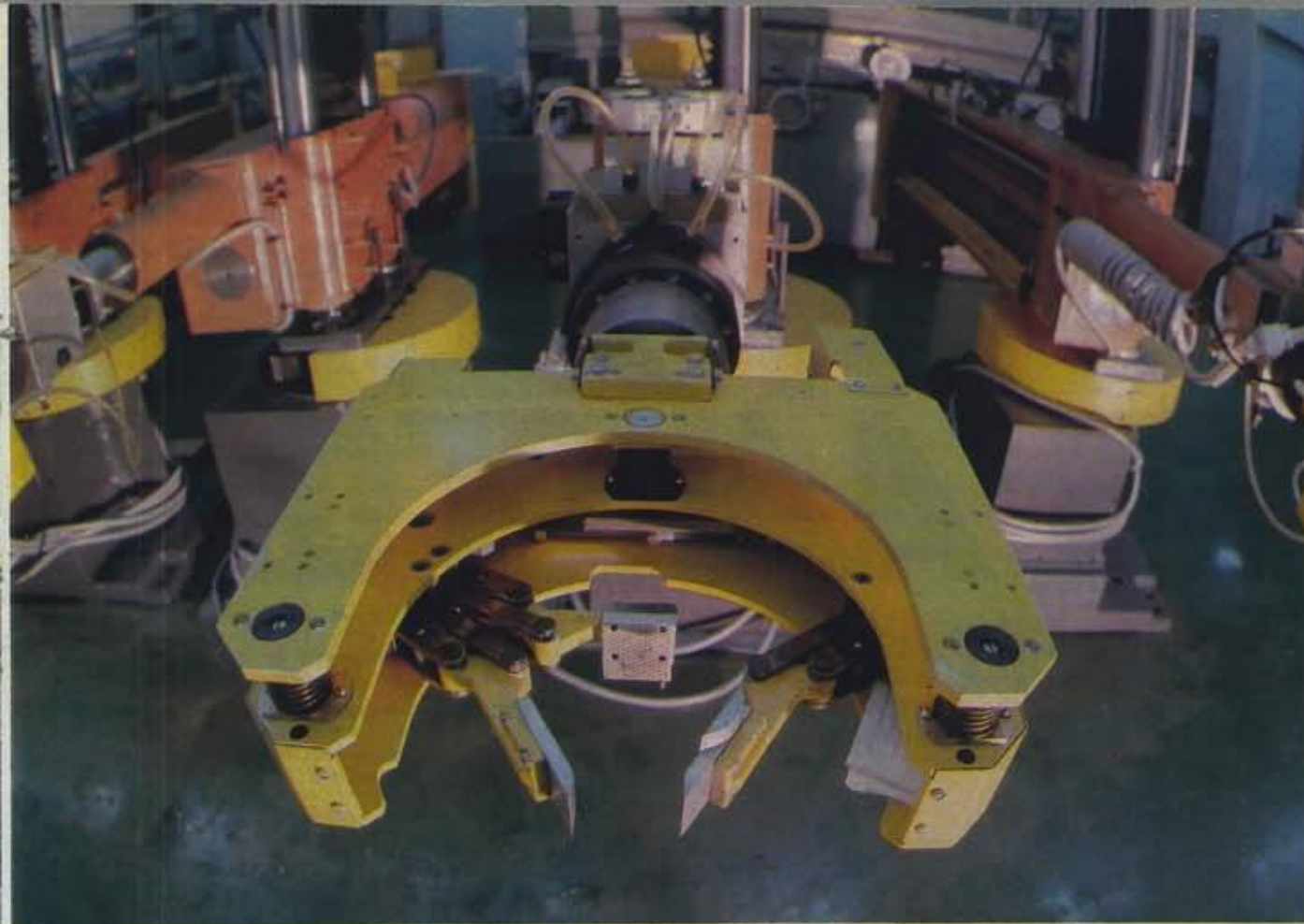
**ПО «ТРОПЕ», РАССЧИТАННОЙ
КОМПЬЮТЕРОМ,
ДВИЖЕТСЯ В ЦЕХЕ
ТРАНСПОРТНЫЙ РОБОТ.**

**У СТАНКА С ЧПУ
«КОЛДУЮТ» НАЛАДЧИКИ.**

ЦЕХ XXI ВЕКА

Апрельский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС подчеркнул, что решительное ускорение научно-технического прогресса рассматривается партией как важнейшая задача дня. Необходимо перейти на передовые технологические системы, технику новых поколений. Молодежь должна учиться мыслить и работать по-новому, как того требует время.

нирования и стимулирования труда. Несколько месяцев работы этой системы показали, что существующие, привычные методы не подходят, так как функции всех работников — от станочников до руководителей производства — значительно меняются. Достаточно сказать, что ГАПу не надо ни планировщиков, ни распреедов, а рабочий должен уметь все — от уборки станка до разработки управляющих программ, наладки и регулировки электронного оборудования.

ГАП работает по так называемой безлюдной технологии. Подчеркиваю: по

**МАНИПУЛЯТОР ИГРАЮЧИ
УСТАНАВЛИВАЕТ
ЛЮБУЮ ЗАГОТОВКУ.**

**СТАНКУ-УНИВЕРСАЛУ ПОД СИЛУ
МНОЖЕСТВО ОПЕРАЦИЙ.**

«так называемой», поскольку обходиться без людей техника может разве что в фантастических романах. Действительно, в идеале это выглядит примерно так: утром специалисты пришли в цех, наладили оборудование, снабдили инструментом, загрузили работой, запустили — и ушли до следующего утра, а цех остался работать в автоматическом режиме. Но все равно кто-то должен прийти, наладить, запустить и т. д.

И здесь мы снова возвращаемся к вопросу о технологической дисциплине, роль которой возрастает еще в большей степени. Автоматизированное производство должно работать как часы, — на иное оно просто не рассчитано. Значит, влияние человеческого фактора снова увеличивается. Разлад может внести уже не только мелкая погрешность, но и неумелое рвение в работе. Допустим, рабочий, чтобы ускорить процесс, снял деталь с транспортной тележки, сам поднес к станку. «Ускорение» обернулось тем, что деталь «выпала» из системы учета. Она сделана, но ее нет, не существует! И в работе сложнейшего комплекса начинаются неувязки.

Трудно отойти от инерции привычек: дать деталей побольше. Не надо больше, а ровно столько, сколько надо, но высокого качества и вовремя. На пер-

**ОДИН ИЗ СЕМЬИ РОБОТОВ,
ВЫПУСКАЕМЫХ
НА «КРАСНОМ ПРОЛЕТАРИИ».**

Такова количественная сторона дела. Но новая техника приносит и совершенно новые проблемы, которые мы раньше не ощущали столь остро.

Современный станок с ЧПУ — это сложнейшее устройство, насыщенное микропроцессорной электроникой, имеющее до восьми различных электродвигателей. Новая техника требует идеальной, безукоризненной технологической дисциплины. О чем речь? Допустим, в обычный станок можно залить не то масло для смазки — ничего, в общем, страшного. Или поставить заготовку большего размера — ну, будет больше стружки, только и всего. Электроника не прощает ни одного мелкого нарушения. Она просто отказывается работать, происходят сбой ритма или даже остановка производства. Хочу подчеркнуть еще один фактор: качество продукции нельзя отделять от качества эксплуатации оборудования. То есть с нарушениями технологической дисциплины не выпустишь хорошего станка.

Именно поэтому в научно-техническом прогрессе мы видим прежде всего не научную и не техническую, а человеческую сторону проблемы. «Красный пролетарий» — завод сильный. Мы сами разрабатываем новые станки, сами внедряем их в производство — этот процесс отлажен достаточно хорошо. А вот процесс психологической перестройки, на мой взгляд, сложнее. Работать на сегодняшней технике со вчерашними привычками — это, образно говоря, то же, что забивать гвозди микроскопом... С заменой обычного станка на станок с ЧПУ личная ответственность любого рабочего повышается на целый порядок. Как сделать, чтобы рабочий не только знал это, но и прочувствовал до глубины души?

Да, учеба. Да, повышение квалификации. Но не только в традиционном понимании этих слов. Растить в рамках своей узкой специальности сегодня совершенно недостаточно, а надо ведь думать и о завтрашнем дне. По обычной схеме вокруг станка с ЧПУ «толпится» масса народу. Инженер-программист, наладчик, электрик, электронщик... А где же сам рабочий-станочник? На его долю остается самая неинтересная, нетвор-

ческая часть работы: следить за исправностью оборудования, а в случае неполадок ставить в известность других специалистов. Я в известной мере упрощаю ситуацию, но при такой системе ответственность за качество работы как бы «размывается» — это факт.

Мы начали готовить рабочих — специалистов нового типа. Станочник сам может запустить, испытать и наладить станок, то есть он обладает знаниями и умениями электрика, электронщика, механика. Ближайшая задача — выпустить такой станок, который не требует программиста, чтобы сам рабочий с помощью электронно-вычислительной машины мог оперативно изменять программу выпуска деталей. Словом, безукоризненное соблюдение технологии основано прежде всего на знании и понимании качественно новой техники, которая не «понимает» и не хочет «понимать» наших мелких человеческих слабостей...

Внедрение станков с ЧПУ позволяет начать процесс роботизации. Выпуск промышленных роботов — самая интересная часть нашей программы, так как осуществляется на базе ГАПа — гибкого автоматизированного производства, для которого мы построили новый цех, точнее сказать, даже не цех, а целый самостоятельный завод. Такая крупная система создана впервые в стране. Это сложнейший комплекс, оснащенный оборудованием с числовым программным управлением, роботами, обрабатывающими центрами, оснащенный своим транспортом, автоматизированными складами. Работает цех как единое целое. Представьте: по команде оператора электрокар (без водителя!) подъезжает к складу, принимает от штабелера-автомата нужные детали, доставляет к станку, включает его в работу роботы и станки-автоматы...

На чем «проигрывает» обычное производство? На вспомогательных службах. Работу надо распределить, чертежами станочников обеспечить, стружку увезти, заготовки выдать, детали принять — для всего нужны люди. Вот где резервы производительности! ГАП, избавляющий от непроизводительных затрат, как раз и включает эти резервы в действие. Правда, помогая человеку, автоматика заставляет его решать и новые проблемы.

В гибком автоматизированном производстве заложены принципиально новые для нас методы организации, пла-

Фото Сергея ВЕТРОВА

вый взгляд такая организация уменьшает творческое начало в работе станочника: следи за техпроцессом, и вся недолга. Наоборот, именно роботы, не «привязывающие» человека к станку, дают возможности для творчества, решения технических, организационных задач.

На ГАП мы набирали в основном молодежь, не отягощенную грузом старых привычек. Молодых коммунистов, комсомольцев, хорошо зарекомендовавших себя в старых заводских цехах. И не ошиблись в выборе: освоение автоматизированного производства прошло без особых сложностей. Разумеется, проблема подготовки специалистов нового типа остается. Мы не можем взять и поставить на автоматизированное производство даже опытного станочника, не говоря уже о выпускнике профтехучилища. Всех приходится доучивать или переучивать на специально организованных курсах. В связи с этим нам представляется чрезвычайно актуальной и важной задача ближайшего времени: молодежь должна знакомиться с электроникой, микропроцессорной техникой, компьютерами уже в школе и ПТУ, чтобы, придя на производство, начинать не с нуля, не терять времени на приобретение элементарных навыков. Думается, это было бы вполне в духе школьной реформы. Тот уровень, когда в школьных мастерских учат, как и двадцать лет назад, нарезанию резьбы, выточиванию втулок, явно отстает от требований научно-технического прогресса.

...Каким будет организация труда на гибком автоматизированном производстве? Предстоит решить еще ряд вопросов, но одно безусловно — только бригадная организация, с оплатой по конечному результату. Иная нам никак не подходит.

В этом году надо выпустить 2100 роботов. Но трудность в том, что не каждый завод-заказчик имеет такую техническую базу и таких специалистов, чтобы состыковать в одну линию роботы и станки с числовым программным управлением: это весьма сложно. Такую работу мы берем на себя, и поставлять будем не роботы и станки отдельно, а РТК — робототехнические комплексы. Но и это еще не все. В не столь уж далеком будущем «Красный пролетарий» начнет поставлять даже не станки, не комплексы, а целые ГАПы — цеха-автоматы. Для этого мы ведем новое строительство, реконструируем старые цеха, где тоже будет внедряться новая технология.

Решение научно-технических проблем неразрывно связано с решением проблем социальных. Завод строится и реконструируется не для машин — для людей. Обстановка любого рабочего помещения создает у человека определенное настроение; вопрос в том — какое? Не буду брать крайний случай, когда в цехе темно, грязно, сквозняки гуляют. К сожалению, и новые цеха проектируются по стандарту: унылая, серая снаружи и внутри железобетонная коробка. Конечно, цех не театр. Но в безликой, примитивной обстановке любой человек испытывает определенный душевный дискомфорт, рабочий тонус его понижается. Дизайн, эргономика — тоже немаловажные факторы научно-технического прогресса.

Чистые, просторные, хорошо оформленные цеха с высокой культурой производства — это лишь необходимый минимум. В новом цехе будет спортзал, бассейн, дом быта, комнаты психологической разгрузки, библиотека — цель в том, чтобы завод принял на себя часть житейских забот рабочих, дал возможность для отдыха, для простого общения людей. Крупная реконструкция начинается и на старом производстве. Словом, мы должны превратить завод в то место, куда человек идет с радостью. Или по крайней мере с удовольствием. Не иначе!

Федор
УГЛОВ,
академик,
лауреат
Ленинской
премии

ПРАВДА И ЛОЖЬ ОБ АЛКОГОЛЕ

Беседа третья.

СКАЖИ СЕБЕ «НЕТ!»

— Федор Григорьевич, вы родились в далекой сибирской деревне, и сейчас расположенной в 350 километрах от линии БАМа. Какое место занимал в жизни деревни алкоголь?

— Я уехал из Киренска в 1923 году. А с 1914 по 1925 год действовал, как известно, «сухой» закон. В нашей деревне и в Киренске, где работал отец, было пять тысяч жителей, но только трое считались пьяницами. Их все знали, их никто не держал за полноценных людей.

Я приехал на свою родину через пятьдесят лет. Меня очень хорошо встречали; сколько прекрасных людей, культурных и образованных, было вокруг. Никакого сравнения со старыми временами! Но... Очень многие пили. И как! Водку стаканами. Только это отравило все мое пребывание на родной стороне! Пригласили меня для консультации к больному — и опять водка! Культурные люди, учителя собрались для разговора и снова пили стаканами.

— Именно многие образованные, но пьющие люди склонны оправдывать свою слабость изречением одного князя Киевской Руси: «Веселие Руси — есть пити, не можем без этого жити».

— Слова эти, прежде всего утешительные для людей, оправдывающих пагубные привычки, нельзя понимать буквально. Ведь сказаны они были в переговорах с магометанами, которые предлагали князю перейти в их веру. Князь мог просто отшутиться. Но даже если принять, что князь говорил это не в шутку, почему его не самая умная фраза должна нами приниматься как руководство к действию? Ведь на самом деле на Руси потребление алкоголя было редкостью. Мы уже говорили о том, что пили в основном зажиточные люди, пили домашнее пиво, брагу. А исходные продукты для производства этих напитков — то же зерно или хмель. Во все времена они стоили недорого. И никогда не могли быть доступны широким массам, а лишь его привилегированной части. Народ противопоставлял пьянству нравственные устои. Фраза: «Пить — это стыд и грех», — весьма характерна с этой точки зрения.

Во всех наших партийных документах отчетливо просматривается нетерпимость к этому злу.

В.И. Ленин сказал на X Всероссийской конференции РКП(б): «В отличие от капиталистических стран, которые пускают в ход такие вещи, как водку или прочий дурман, мы этого не допустим, потому что как бы они не были выгодны для торговли, они поведут нас назад к капитализму, а не к коммунизму».

И я не припомню, чтобы в работе над подготовкой антиалкогольных материалов мне пришлось встретиться у Ленина хотя бы нейтральное отношение к продаже спиртных напитков.

— Какие, на ваш взгляд, последствия пьянства наносят особый ущерб государству?

— Первое — резкое снижение производительности труда.

Второе — огромное количество прогулов. Третье — неисчислимое число больничных листов, оплаченных государством.

Четвертое — огромное количество заболеваний (рак желудка — следствие потребления крепких напитков).

Пятое — умственно отсталые дети.

Беседы первая и вторая в №№ 10 и 11.

Шестое — травматизм в состоянии опьянения. Все это еще можно подсчитать. Но как учесть урон, наносимый увеличением числа разрушенных семей? Думая об этом, надо называть вещи своими именами. Все, что на первый взгляд выглядит безобидно — собралось, культурно посидели, — на самом деле совсем не безобидно, если эти «посиделки» становятся традицией, без которой многие люди себя и не мыслят. Студенты, и те становятся «гостями» выпивателей.

— В свое время предпринималась попытка замены крепких напитков более слабыми. Насколько эта мера эффективна?

— Давайте опять же называть вещи своими именами.

Если рассматривать действие абсолютного алкоголя в водке или вине, то они тождественны. Только у тех, кто пьет водку, последствия наступают быстрее. Давайте не будем искать спасительные щиты в успокаивающих полумерах. Во Франции пьют только сухие вина высокого качества, но пьют много. Если пересчитать это на цифры абсолютного алкоголя, нельзя не признать, что в этой стране налицо все признаки, характерные для массового алкоголизма.

У нас часто с восхищением пишут о том, что долгожители на Кавказе пьют сухие вина. Но в жизни долгожителей вина занимают далеко не первое место. Прежде всего работа. Свежий воздух. Умеренная еда, отсутствие стрессов. И только между прочим вино. Я работал врачом в Абхазии и знаю это не с чужих слов.

— Как известно, в социалистических странах денежный штраф после медвытрезвителя заменяется трудовой повинностью. Ваше мнение на этот счет?

— Не только можно, но и обязательно нужно это делать! Зимой, например, надо расчищать снег — вот бы сюда любителей горячительных напитков, чтобы было время подумать и «охладиться».

Есть немало мер, которые обязательно дадут результаты. Но тут крайне важна верная общественная оценка проблемы.

— Она в письмах, поступающих в редакцию. Так, есть предложения проводить декады и месячники трезвости. Насколько это реально? Возможно ли, по-вашему, объявление безалкогольной территории в цехе, на участке, на заводе, в поселке? Как их определять? Законодательно? Или решением большинства населения, работающего или проживающего там?

— Это вещи не только возможные, но и нужные. И не надо далеко ходить, начинать надо с себя. Объявить, например, свою редакцию территорией, запретной для алкоголя. Советую не только как врач. Уверен, что как только это случится, в ваших материалах на темы алкоголя будет больше и страсти, и наступательности.

Я считаю, что необходимо объявлять «Трезвые дни», «Трезвые недели», «Месячники трезвости». И не только объявлять, но и тщательно анализировать их позитивные результаты. Это должна делать общественность. Что же касается самогонщиков, то в этот период наша милиция должна работать с тройным вниманием и наказывать их как преступников.

Нас всех должно волновать не то, сколько самогонщиков на этом пострадает, а сколько человек вернется к трезвости. Если человек еще не спился окончательно, то достаточно ему месяц не пить, чтобы сам он мог убедиться, какие несравненные блага получает.

— Как-то я читал такую фразу: «Пьянство среди рабочих могут уничтожить только рабочие». Вам она незнакома?

— Разумеется, я ее знаю. Вот она: «День печатный — день трезвости! Алкоголь — самый темный и страшный враг светлой человеческой мысли. Он искажает и расслабляет ее и вызывает в человеке грубые и дикие чувства. А наш праздник есть день светлой мысли, и пусть не осквернит его черная отравка. Как было бы хорошо, если бы наш праздник стал навсегда, остался днем трезвости и послужил бы началом пролетарской пропаганды трезвости.

Пьянство среди рабочих могут уничтожить только рабочие...»

Так было написано в большевистской газете «Вперед» ко Дню печати в 1914 году.

Смысл наших бесед я вижу прежде всего в том, чтобы помочь каждому читателю поставить барьер между собой и алкоголем. Ради самого себя. Возвести оплот трезвости.

Своим оплотом я считаю собственную семью.

Благодарен ей безмерно за понимание. Больше того, мне не стыдно признаться, что окончательную точку в моих сомнениях поставил младший сын. Однажды он спросил: «Папа, как же так, ты столько говоришь, столько пишешь о вреде выпивки, а к нам приходят твои друзья и знакомые, и ты сам их угощаешь?» Раздвоенность моих устремлений и конкретных действий была верно подмечена мальчиком и поставила меня перед выбором.

Традиция выпивать — одно из опаснейших явлений. И мы, следуя ей, придерживались дурной привычки. И хотя в семье сами не пили, гостей принимали в соответствии с правилами. Но последние 5—6 лет приняли для себя «сухой» закон. А это означает: мы сами не пьем ни дома, ни в гостях и никого не угощаем дома. Кто бы к нам ни пришел и какие бы события в нашей жизни ни произошли. Дни рождения, юбилеи, даже свадьба старшего сына — без единой капли алкоголя. На свадьбе было шестьдесят человек и было все, что присуще этому празднику. На столах еда достаточно, музыка, игры, танцы. И все под контролем разума. От нас уходили возбужденные, веселые гости и сожалели, что уходят. И в том нет ничего удивительного. Голова на следующее утро у всех была ясная, никаких тягостных воспоминаний.

Сегодня, отмечая любые события, мы все позволим произносить тосты с бокалом отлично приготовленного сока. Смешно? Мне нет. Моим гостям? Тоже нет.

Много лет я заведу кафедрой, руковожу людьми и считаю своим партийным долгом доводить до их сознания свои убеждения, влиять на них. Рядом со мной работают сто сотрудников, я неоднократно беседовал на эту тему с ними. А после одного убедительного доклада все приняли для себя «сухой» закон. Какие бы праздники ни отмечались на нашей кафедре, никогда и никаких алкогольных напитков на наших столах нет. К нам присоединилась и соседняя кафедра факультетской хирургии, с которой мы дружим, соревнуемся, — ее сотрудники тоже приняли для себя «сухой» закон.

Лично я сам никогда не выпивал. Никакой особой борьбы с собой не вел. Мой отец выпивал, как принято говорить, разумно, никогда не безобразничал, ни разу за всю жизнь не опоздал на работу. Но умер раньше времени, и умер от рака желудка. И для меня, хирурга, прооперировавшего сотни людей, употреблявших алкоголь, как и он, разумно, нет сомнений в определении причин его смерти. Алкоголь.

В своих публичных выступлениях я всегда подчеркиваю такую мысль: «Зачем мне указания, обязывающие меня не пить? Я человек, и мозг дан мне природой для набора информации и принятия решений. Осознанно! Мне нужен ясный мозг, не замутненный алкоголем. Нужен для работы и нормальной жизни. И если я этого не понимаю, кто, кроме меня самого, может мне помочь? Если я знаю, что это вредно, зачем мне указания?» Сказав это, тут же спрашивал: «Вы вот знаете, что пить вредно, а кто из вас с завтрашнего дня объявит для себя «сухой» закон?» Поднималось разное количество рук. И я всегда говорил: «Вот видите, даже сами для себя вы еще не сделали выбора, а перекладываете свое решение на других».

И все-таки с большим внутренним удовлетворением я знаю: такие разговоры не проходят бесследно. В письмах, которые я получал, сообщалось, что многие сами совершенно бросают пить.

— Много ли у вас сторонников?

— Занимаюсь этой работой давно. Все прошедшие годы я много оперировал и боролся, как мог, с пьянством. Чем старше становлюсь, тем больше отдаю этому сил. Жизненный опыт подталкивает меня ко все более и более решительным действиям. У меня есть замечательные сподвижники.

Средства массовой информации принесут неоценимую пользу, если изо дня в день будут нести правду о злодействе, которое чинит алкоголь. Сладенькие, боящиеся кого-то обидеть статьи о вреде алкоголя тут не помогут. Общественное мнение должно звучать набатом! НЕ УСТАВАЯ — изо дня в день, из года в год.

— Федор Григорьевич! Не назовут ли вас читателем донкихотом, который словами пытается остановить алкогольные мельницы, перемоловшие за века миллионы человеческих судеб?

— Думаю, нет. Посмеются неумные люди. В борьбе с алкоголем мы предлагаем сильное средство. Это правда! Во все времена алкоголь и пьянство держались на лжи. Чем больше неправды, тем больше пьют. Из года в год об алкоголе надо говорить правду. Каждый человек, юный и зрелый, должен принять для себя личное решение. Вот, например, вы?

После выступлений «Смены»

«КОМУ ВПРОК ТАКОЙ УРОК»

Госпрофобром РСФСР проведена, с выездом на место, проверка фактов, изложенных в статье «Кому впрок такой урок», опубликованной в «Смене» № 3.

Сообщаем, что Бурятским республиканским управлением профтехобразования и местными партийными и советскими органами установлен контроль за ходом строительства объектов профтехобразования. Принимаются также меры по упорядочению взаимоотношений между училищем и базовыми предприятиями, улучшению совместной работы по подготовке квалифицированных кадров.

В. Г. АГИБАЛОВ,
заместитель председателя
Госпрофобра РСФСР

Строительство общежития для ГПТУ № 1 осуществляется строительно-монтажным поездом № 182 Дорстройтреста, финансирует это строительство управление Восточно-Сибирской железной дороги.

Ожидаемая к началу 1984/85 учебного года сдача общежития состоялась только 31 декабря 1984 года. Однако из-за большого количества недоделок объект не был принят в эксплуатацию. Причем в состав государственной комиссии не были включены работники Бурятского управления профессионально-технического образования. Реальный срок ввода в эксплуатацию — май — июнь 1985 года.

В период командировки корреспондента журнала «Смена» в училище, в том числе и в жилых комнатах, действительно было холодно в связи с тем, что базовое предприятие, Улан-Удэнское отделение ВСЖД, своевременно не произвело необходимый ремонт. Управлению профтехобразования и руководству училища в срочном порядке пришлось проводить работу по ремонту теплотрассы. В подготовке училища к началу учебного года базовое предприятие участия не принимало.

Руководство Бурятского республиканского управления профтехобразования предложило более энергично воздействовать на базовые предприятия, систематически уклоняющиеся от выполнения своих обязательств по отношению к профтехучилищам.

В статье правильно отмечены недостатки в организации строительства ГПТУ № 6 Министерства бытового обслуживания Бурятской АССР. Из-за строительного брака часть помещений учебного корпуса дала осадку, пошли трещины. Эти, а также другие серьезные недоделки СМУ-1 Главуриятстроя устраняет. Общежитие училища должно быть сдано в эксплуатацию к началу нового, 1985/86 учебного года.

Отмечено также, что Минбыт республики недопоставил училищу значительное количество различного оборудования. По этим вопросам, а также по ускорению строительства ГПТУ № 6 проведено совещание у министра бытового обслуживания Бурятской АССР Е. И. Мульченко, составлена спецификация на недопоставленное министерством оборудование, которая передана для контроля и принятия мер заместителю председателя Совета Министров Бурятской АССР С. В. Ангапову.

Комплекс профессионально-технического училища Министерства жилищно-коммунального хозяйства Бурятской АССР в 1985 году определен даточным. Для работы в летнее время запланировано четыре строительных отряда из числа учащихся ПТУ и индустриально-педагогического техникума.

Бурятским республиканским управлением профтехобразования принимаются также дополнительные меры по устранению недостатков в строительстве объектов профтехобразования. В частности, с министерствами и ведомствами прорабатываются вопросы по комплектованию строящихся комплексов оборудованием. Учащиеся строительных училищ направляются на производственную практику на стройки объектов профтехобразования.

Результаты проверки статьи доложены заместителю председателя Совета Министров Бурятской АССР С. В. Ангапову и заведующему отделом науки и учебных заведений Бурятского обкома КПСС Л. Я. Похосееву.

В. Л. ОРЛОВ,
заместитель начальника
отдела Управления городского
профтехучилищ
Госпрофобра РСФСР

Беседу вел Александр БОЙКО.

Взлет мечты,
устремленность в будущее,
радость победы,
ОПТИМИЗМ,
физическое совершенство,
красота
и твердость духа,
мужество
и благородство
в честных единоборствах,
Дружба и вера
в общие идеалы —
ВОТ ЧТО такое спортивная
часть фестиваля!

РАДУГА СПОРТИВНАЯ ФЕСТИВАЛЯ

СПОРТИВНЫЕ ПАКЕТЫ

Счастье быть молодым, радость сознания своей силы, необходимая в борьбе за светлое будущее без войн и угнетения,— все это особенно ярко и наглядно раскрывалось всегда в ходе спортивных программ фестивалей.

В спортивной программе Московского фестиваля в 1957 году приняло участие 3600 спортсменов из 47 стран. 108 600 человек сдали нормы на спортивный фестивальныи значок.

На XII Всемирном участников спортивной программы будет гораздо больше. Ведь соревнования в рамках фестиваля будут внеконкурсными. Хозяева Всемирного форума юности планеты предоставят возможность выйти на спортивные площадки и стадионы, испытать свою силу и ловкость, характер и волю каждому участнику и гостю фестиваля.

Здоровье, дружба, радость движения наперекор ветрам и усталости — этим прежде всего будет наполнена программа фестиваля.

Программа, в которой каждый найдет занятие по душе.

Гостей и участников ждут забегу на «фестивальную» милю, равную 1985 метрам.

Грандиозный шахматный турнир одновременной игры на 1000 досок с участием 50 известных всему миру шахматных мастеров.

Товарищеские матчи и встречи между сборными командами советской делегации и объединенными сборными командами стран — хозяев предыдущих фестивалей.

Максимально широкий доступ ко всем культурным и спортивным мероприятиям для каждого, кому они интересны,— таким будет фестивальныи спорт.

Показательные выступления лучших спортсменов мира, собственные доставить радость и на-

слаждение тысячам зрителей, — таким будет фестивальныи спорт.

Духом дружбы и взаимопомощи всегда были пронизаны соревнования на всех форумах молодежи. XII Всемирныи не только с достоинством продолжит эту традицию, он внесет в нее новые черты, поднимет на новую высоту.

Посланцы разных стран объединятся в Москве в интернациональные команды. Они выйдут на лучшие спортивные площадки нашей столицы как друзья, единомышленники, солидарные в своем стремлении к миру.

Спорт объединяет.

Спорт раздвигает горизонты.

Спорт учит новому, обогащает, проясняет оценки и отношения. Штабом фестивальныи спортивной программы станет Международныи спортивный центр. Здесь развернутся дискуссии, здесь будет проходить свободныи, честныи обмен мнениями, конференции, «круглые столы». Здесь состоятся встречи по профессиональным интересам. Откроются выставки спортивной фотографии, филателии, нумизматики. Советские тренеры и ученые поделаются с каждым желающим опытом своей работы, проведут показательные тренировки. Известнейшие спортсмены, чемпионы мира, Европы и Олимпийских игр радушно встретят здесь участников и гостей фестиваля.

Современныи спорт многообразен. В Международном спортивном центре он предстанет во всем своем богатстве, мощи и совершенстве.

Юность планеты, которая собирается в Москве, — надежда мира.

Она продемонстрирует всему миру свое стремление к дружбе и счастью, свои благородные духовные устремления и красоту. Свою готовность противостоять угрозе миру на земле.

ФЕСТИВАЛЬНЫЕ ПАКЕТЫ
«СМЕНЫ»

СЛАВЬТЕ, МОЛОТ И СТИХ, ЗЕМЛЮ МОЛОДОСТИ

Конкурс
одного
стихотворения

Продолжается наш традиционный «Конкурс одного стихотворения» под девизом «Славьте, молот и стих, землю молодости». Напоминаем условия конкурса. В нем могут принять участие все, кто пишет стихи (кроме членов Союза писателей СССР). Необходимо указывать профессию, имя, отчество, фамилию, возраст, домашний адрес. Рукописи не возвращаются и не рецензируются. Итоги конкурса подводятся в конце года, победители награждаются дипломами и премиями «Смены». Но самой приятной, мы надеемся, наградой победителям станет публикация подборки их стихов. Ждем ваших писем!

Махмуд ЮЛДАШЕВ, военнослужащий, Ташкент

Старик

Как памятник, но временный, не вечный,
На полпути старик согбенный встал.
О времени подумал быстротечном
Иль о болях? Иль холод сердце сжал?
Давным-давно по мерке сшитый впору,
Чопон висит, как на гвозде, на нем...
О времени ли вспомнил он, в котором
Душа пылала молодым огнем?

Стоит он покосившейся стеною
И, опершись на третью ногу — трость,
Все то же небо видит над собою,
Что и в далеком детстве привелось.
Он шамкает беззубо и невнятно,
И жизнь вокруг струится, как река...
Но ордена могуче и набатно
Твердят о мире — счастье старика.

Перевел с узбекского Николай КАРПОВ.

СТИХИ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ НА КОНКУРС ЛИТЕРАТУРНЫМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ

Литературное объединение «Орфей», г. Брежнев, организовано с самого начала строительства КамАЗа. Руководит им Евгений Кувайцев.

Юрий МАЛКОВ,
рабочий

На Каме

Дожди прошли обильные над Камой,
Весь небосвод промыв голубизной.
И теплый пар белесыми струями
Над тихой поднимается водой.

Аукнулась знакомая опушка:
То дятел барабанит вдалеке,
И много лет пророчит мне кукушка.
И снова лещ играет на реке...

Я верю в исцеление такое:
Оно всегда приходит после гроз.
Я верю в это волшебство земное,
Лишь в людях бы оно не извелось...

Михаил ПЕТРОВ,
моторист

Над землей чародействует осень,
нам с тобою ее не унять.
Посмотри, у березовой рощи
золотая, с грустинкою прядь.

Солнце светит печально и чисто,
грусть земли принимая, пою,
проявляя светло и лучисто
запоздалую нежность свою.

А земля, эту чувствуя нежность,
вся истомой и тайной полна,
светлых дней открывая безбрежность,
улыбается мудро она.

Татьяна БАШКИРОВА,
лаборант

Он пришел — молчалив, несмел,
Голос — будто издали.
Слишком близко огонь взлетел,
Черной стала его щека.
На вопросы жены: «Да так,
В цехе вдруг взорвался резак,
А не я, так из нас шести
Кто-то должен таким прийти».
За окном — зелены сады,
За окном — облака чисты,
А вопросы жены просты:
«Почему не они, а ты?»
«Я не ставлю другим в вину,
Я ведь действовал, как в войну...»
Занесялся день в окне.
Фотография на стене
Из обугленных тех годов:
Взгляд отца на ней тих, суров...

Виктор ГАЛКИН,
слесарь-наладчик

Кора от вбитых крючьев омертвела,
Еще сезон — и тополию конец,
Но во сто крат несовместимей тело,
Живое тело и литой свинец.

Мой друг с войны
под сердцем пулю носит,
Извлечь — хирургу было не с руки,
А до сих пор хлеба завидно косит
Вражде свинца и тела вопреки.

Александр МАСЛОВ,
юрист, Томск

Воспоминание

Туманы, туманы, туманы
Плывут над тавжной рекой.
Болят мои старые раны,
И сердце теряет покой.
Давно отгрезмели раскаты
Тяжелой и долгой войны,
Но помнятся други-солдаты,
И снятся военные сны.

Валентина ШАПОВАЛОВА,
майор в отставке,
Москва

Награда

«...Да, коммунист!» —
ответил политрук,
Перед фашистским офицером стоя,
И принял смерть,
пройдя сквозь сотни мук,
Он, как солдат на этом поле боя...

«Поздравь меня!
Вот, мама, партбилет», —
Сказал наш сын,
преодолев волнение.
Такой знакомый Ленина портрет,
И кумача весеннее цветенье...

И если внук через десяток лет
«Я — коммунист» мне скажет,
буду рада,
Что мной оставлен
в жизни зримый след
И вручена мне высшая награда.

Алексей ЗОЛОТИН,
журналист, Калуга

Вы видали,
как лепит скульптор?..
Перепробует сотни раз —
До мельчайшей,
До самой мудрой
Складки кожи у рта и глаз.
Ошибется — исправит, что же...
Эх, вот если
В любви бы так!
Нет, одна лишь ошибка может
Всю скульптуру
Повергнуть в прах.

Евгений ТИТАЕВ,
учитель, Семипалатинск

Осенний эскиз

Долго накладывал дождик
Скучный ноябрьский грим,
Есть ли на свете художник,
Не согласившийся с ним?
Чтобы душа нараспашку,
Чтоб от земли, да не в зле!
...Мальчик рисует ромашку
На запотевшем стекле.
Взмахивает рукою,
Старое плачет окно.
Что-то он может такое,
То, чего нам не дано.

Авдотья СМИРНОВА,
школьница, Москва

Все предвещало изменение погоды —
И влажность воздуха,
и стоны стариков
О болях в пояснице. И природа
Знать не хотела
прежних берегов.
Все предвещало,
обещало измененья —
Японский календарь,
парад планет,
И високосный год, и совпаденья
Причуд, печальных
мыслей и примет.
Все было смещено, несовершенно.
Дома, деревья, вьюлый снегопад —
Все изменялось.
Оставался неизменным
Наш старый дом, наш старый сад.

Николай РУМЯНЦЕВ,
учитель,
г. Сафоново

У братской МОГИЛЫ

Война товарищей сгубила,
Скосила их шальная смерть.
В цветах вся братская могила,
Но тяжело мне на них смотреть.
Здесь словно кровь
на каждой розе...
(О сколько есть таких могил!)
А рядом воин в скорбной позе
На вахте траурной застыл.
И долго,
долго,

долго греться
Ему у Вечного огня,
И с болью обмирает сердце,
Считая павших имена.

Вадим СИДОРОВ,
инженер-электрик, Москва

К истокам привела дорога:
В заснеженную ширь полей,
К деревьям в одеяне строгом,
К деревне и прудам над ней.
Деревню минула разруха —
Стоит, как сотню лет назад,
— Былая стойкость, сила духа
Сквозь новый веек палисад.
От обновленной дранкой крыши,
От прочных темных изб-старух
Святой незыблемостью дышит,
Родным умением русских рук.
Живут заботы и раденье —
Они видны в разливах дня.
И так же красно песнопенье,
Как это было до меня.

Снова в Мену, как на дорожке сердцу праздник. В места, которые поэт назвал «зеленым раем». Вот уже и речка Снов с прозрачной родниковой водой. Вот и улыбающаяся Березна, где бабки торгуют дикой малиной, огромными яблоками и грибами. Притормозить бы, прицениться, да как-нибудь в другой раз. Все дальше и дальше по новгород-северской дороге — в Мену!

Благодарен случаю, что привел меня однажды в маленький этот городок на Черниговщине. Познакомился я здесь с человеком, создавшим... зоопарк. Да, да, самый настоящий зоопарк. Львы, тигры, бизоны чувствуют себя в Мене прекрасно, хотя и далек здешний климат от того, что привычен им в саванне и джунглях.

На озере — белые и черные лебеди, гуси — серый, белолобый, горный. Из семейства утиных всех и не перечислишь: огарь, пеганка, кряква, чирок-свистун, каролинка, мандаринка, мускусная утка, лампасный нырок, хохлатая чернеть. Потомство выводят в старых, приспособленных под домики ульях, расположенных вдоль берега. Писклявые птенцы, только что оставившие в теплых гнездах скорлупки яиц, парусят по синей воде. Озеро не замерзает и зимой, потому круглый год на нем птичье царство. Но не только для пернатых здесь раздолье. К удовольствию посетителей зоопарка гоняют по берегу медвежата. Мишки шутя преследуют разноцветных курочек-бентамок. Стаи диких горлинок кормятся вместе с домашними голубями; создатели зоопарка стремятся подчеркнуть единство всего животного мира, домашних и прирученных птиц и зверей.

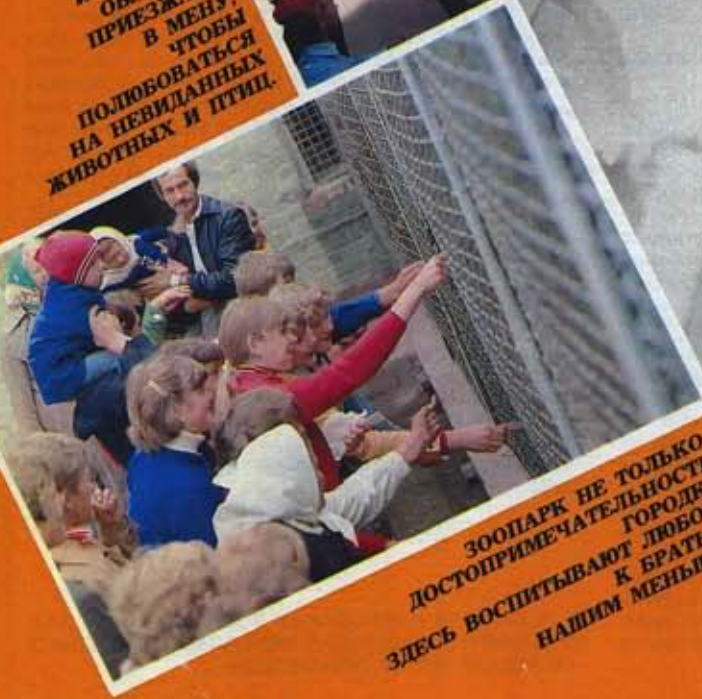
Забота и внимание в Менском зоопарке ко всем животным, но особое — к больным, нуждающимся в лечении.

ЧЕРНИГОВСКАЯ ДИКОВИНА

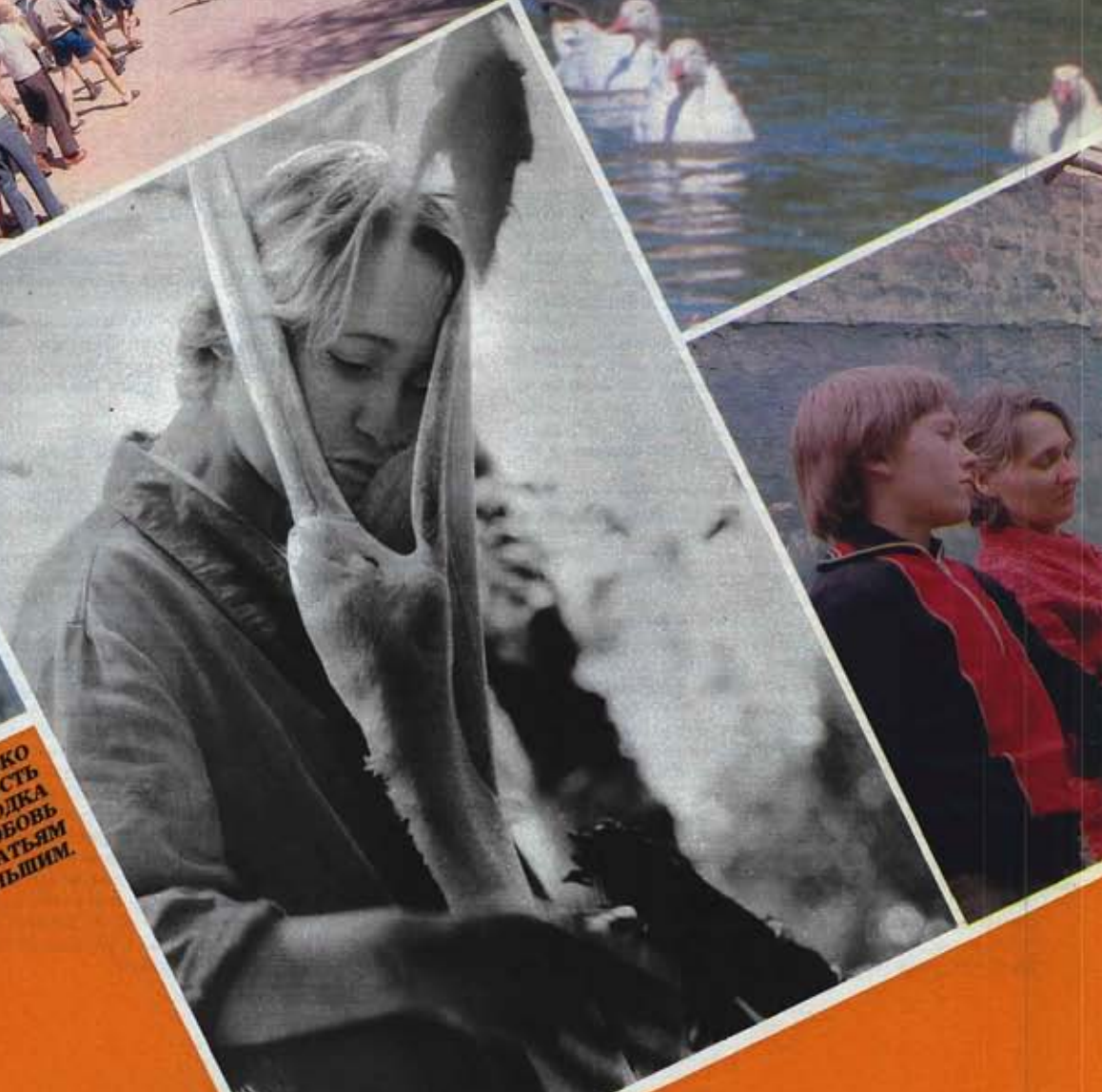
Богдан ЧАЛЫЙ.
фото Виктора ЧЕРНОВА

ИЗ МНОГИХ ОБЛАСТЕЙ ПРИЕЗЖАЮТ В МЕНУ, ЧТОБЫ ПОЛЮБОВАТЬСЯ НА НЕВИДАННЫХ ЖИВОТНЫХ И ПТИЦ.

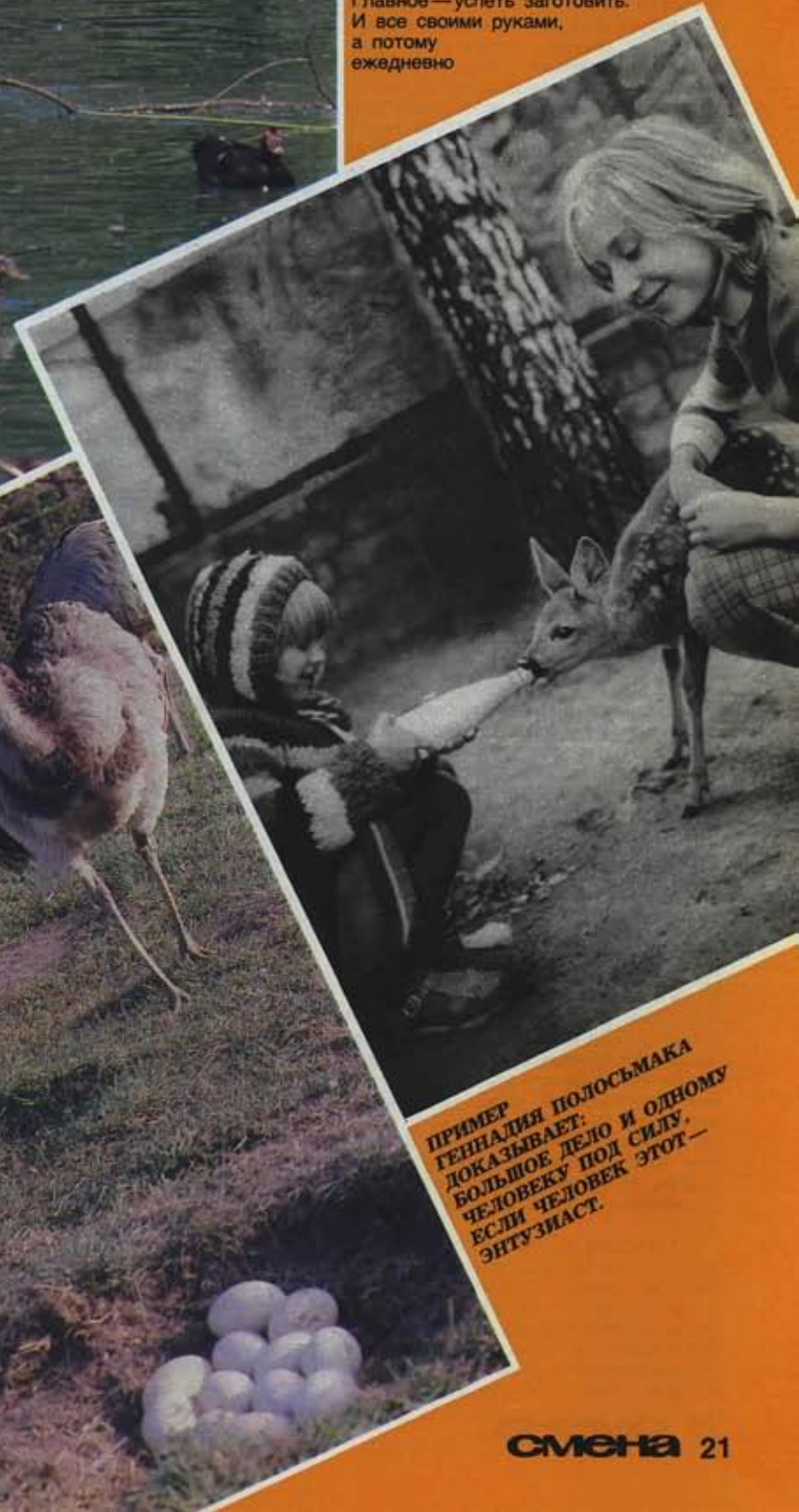
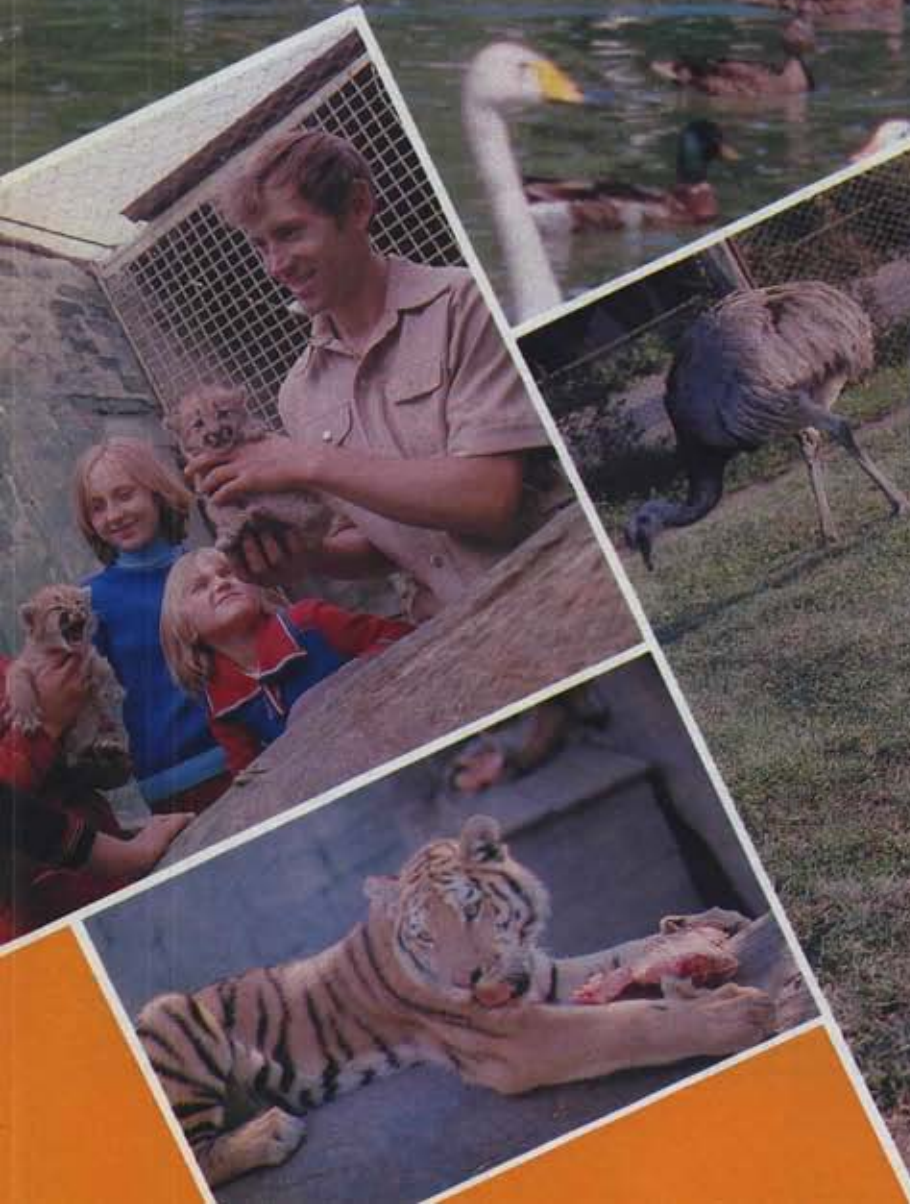
ЗООПАРК НЕ ТОЛЬКО ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЬ ГОРОДКА ЗДЕСЬ ВОСПИТЫВАЮТ ЛЮБОВЬ К БРАТЬЯМ НАШИМ МЕНЬШИМ.

Добрые люди приносят подобранных в лесу и в поле куропаток и цапель, журавлей и аистов: пусть живут! У каждого обитателя зоопарка своя история. Вот замечательный лебедь-шипун. Зимой он вмерз крыльями в лед Остерского лесного озера. Какой-то сердобольный человек высвободил его из плена, отогрел. Вот серый журавль — дивная птица... Раненный, он остался на заснеженном лугу, в копне сена выщипал себе жилище. Несмотря на стужу, продержался до января. Под Новый год увидели сельские, как геройски отбивается журавль с перебитым крылом от наседающих лисиц, и забрали его в хату. Теперь живет он и здравствует. Всем пострадавшим — операция, нужное лечение и прописка на озере. Айболит здесь что надо!

Кто же создатель менской диковины, кто этот энтузиаст? Пора представить его: Геннадий Полосымак. Это он, директор зоопарка, прежде всего в ответе за жизнь и здоровье пернатых и четвероногих его обитателей. Первая забота — накормить их досыта. Помидоры, огурцы обезьянкам. Мясо не только для хищников, необходимо оно и болотным птицам. Груши и дыни, как ни странно, волк любит. Ряска болотная — витамин для всех. Ягоды, грибы нужны, свежие ветви. Ужи и гадюки лягушек требуют. Главное — успеть заготовить. И все своими руками, а потому ежедневно

**ПРИМЕР
ГЕННАДИЯ ПОЛОСЬМАКА
ДОКАЗЫВАЕТ:
БОЛЬШОЕ ДЕЛО И ОДНОМУ
ЧЕЛОВЕКУ ПОД СИЛУ.
ЕСЛИ ЧЕЛОВЕК ЭТОТ —
ЭНТУЗИАСТ.**

СКАЯ

языку в изображение и переносит на малый цветной экран повествовательный сюжет песни, если таковой имеется. Когда песня не представляет собой законченного рассказа, снимаются произвольно взятые сцены.

Не все видеодиски отличаются высоким качеством содержания. Нередко они строятся на дешевых трюках или показывают сцены откровенного насилия, что в первую очередь касается продукции, выпущенной в США. Тем не менее в грязной пене изредка попадаются и хорошие вещи. Федерико Феллини не погнушался в свое время сделать несколько (кстати, чрезвычайно интересных) телевизионных рекламных ро-

одно из высоких мест в списках лучших новинок вместе с «Организованными путешествиями» Лучо Далла — пожалуй, самым фантазмагорическим набором песен за всю карьеру этого автора и исполнителя своих сочинений. Далла включил в свой сборник блюз, мелодии Филадельфии и регги, перемежая это целыми джазовыми вставками, которые он то и дело играет, сочиняет и поет своим необычным голосом, похожим на звучание даже не одного, а целого десятка музыкальных инструментов, не отступающим перед самыми сложными пассажами и самой тонкой иронией.

Нет нужды говорить, что в ряду сегодняшних звезд итальянской эстрады Лучо Далла благодаря своей самобытности и уму выгодно выделяется среди прочих да и, наверное, возвышается над ними. Однако в непосредственной близости от него в нашей воображаемой классификации необходимо поместить Пино Даниеле. К какому стилю отнести манеру исполнения этого певца? Мы уже упоминали о том, что ему по праву принадлежит место в ряду «неаполитанцев». Это действительно так. Говорилось также, что его музыка окрашена

прошлым летом Пино Даниеле включил в состав своей группы Хуана Пабло Торреса и Адальберто Лару — двух известных кубинских музыкантов-духовиков).

Короче говоря, все сказанное выше подтверждает: хотя тяжелый рок — продукт заморский, но итальянская музыкальная кухня смогла в конце концов превратить его в блюдо собственного приготовления. Кстати, сейчас наблюдается явное стремление освободиться от музыкального нажима и давления, которое оказывают Соединенные Штаты.

Сегодня существует довольно большое количество групп, полемически настроенных по отношению к Западу; даже в своих названиях и в названиях исполняемых песен они обращаются к странам Восточной Европы. Это тоже один из способов воспротивиться чуждому влиянию, отказаться говорить по-английски и в музыку.

За этой волной стоят «старички», такие, как Нада (она тоже выпустила недавно пластинку под названием «Мы никогда не вырастем»), Лоредана Берте, Тото Кутуньо, Баттиато. Каждый из них по-своему оригинален, но все едины в погоне за ускользающей популярностью. А за ними возвышается геркулесом Челентано Неугасимый. Однако говорить о Челентано означает погрузиться в прошлое, а точнее, в возрождение былого.

Возрождение необычное, так как речь идет о звезде эстрады, которая, подобно очень немногим, продолжает оставаться ею и продолжает «делать музыку» на свой лад, острым чутьем и сегодня улавливая изменения в настроении различных категорий публики: от самых юных до, так сказать, не очень молодых людей. Тексты его песен всегда были осторожным смешением консервативных идей и броских прогрессивных рассуждений. Его музыка никогда не выходила за рамки повторения самых простых и общедоступных канонов. Он остается выразителем некоего среднего уровня культурного и музыкального воспитания и делает это лучше, чем кто бы то ни было. Успех Челентано как певца и как киноактера заключен целиком в этой формуле, которая кажется простой, но только на первый взгляд.

После перерыва записала свою очередную пластинку и Мина, потеряв за это время значительное число поклонников. На концертах она больше не выступает, но голос сохранила замечательный, чего никак не скажешь о пластинке с точки зрения ее оригинальности. А вот Орнелла Ванони в последнем диске «Мужчины» по части оригинальности даже перестаралась: почти все слова к песням она написала сама, музыка очень ритмична, а что касается содержания, то певица вложила в него избыток чувственности.

В то время, как на эстраде чуть ли не безраздельно царит тяжелый рок, а поп- и панк-музыка постепенно сходят на нет вместе с «хулиганскими» песнями Васко Росси, появляются коллекционеры рока «родоначального». Как драгоценные реликвии разыскиваются первые диски Элвиса Пресли и «Битлз». Причем качество их не слишком волнует собирателей. За какую-нибудь исцарапанную и гнусающую под иглой проигрывателя «Желтую субмарину» вам могут предложить кругленькую сумму. Даже первые пластинки Челентано, который пел для студии звукозаписи «Джолли», — и те становятся объектом поисков пидки на моду коллекционеров.

Словом, путь развития итальянской эстрады непрост. Но хочется верить, что, вбирая в себя новые достижения зарубежной музыки, испытывая разнообразные влияния, неизбежные в поиске нового, современного музыкального языка, итальянская эстрада останется верной национальным традициям, глубоко индивидуальной, понятной и своему народу, и народам других стран.

Перевел с итальянского Павел КОЗЛОВ.

«ТАК БУДЕТ!»

Два года назад поклонники итальянской эстрады, впервые услышав песню «Феличита» («Счастье»), были покорежены мелодичностью и искренностью исполненной композиции. Вскоре состоялось знакомство и советских слушателей с творчеством Аль Бано и Ромины Пауэр.

Аль Бано и Ромина Пауэр в своих песнях рассказывают о том, что волнует миллионы простых итальянцев. Их мелодиям тесно в рамках обычной эстрадной песни, неподалека от влияния музыкальной моды, они «стоят в стороне» от так называемых песен-однодневок, шлягеров коммерческого толка. Идущие от сердца исполнителей, их песни создают радостное, весеннее настроение.

Аль Бано и Ромина не затронула «звездная болезнь»: они самокритичны, не обольщаются громкими успехами... Девиз артистов — не останавливаться на достигнутом!

Не сразу к ним пришли известность и всеобщее признание. Поиски, поражение, временные успехи — все было...

Аль Бано довелось познать и радость побед — его песни занимали первые места в итальянских хит-парадах, и горечь поражений — мелодии, написанные им, звучали в «Парадах презрения», где были собраны худшие вещи сезона. Но Аль Бано оставался верен себе, верен тому пути, который выбрал однажды и по которому решил идти до конца. «Не думаю, — говорит он, — что когда-либо писал плохие песни. Просто я всегда такой, какой есть».

В 1969 году Аль Бано встретился с Роминой. Их пригласили на съемки фильма «Солнце», где они должны были сыграть героев романтической любовной истории. Свои роли дебютанты исполнили блестяще и... до сих пор не расстаются.

В 1982 году на фестивале в Сан-Ремо Аль Бано и Ромина заняли второе место. Для многих это было неожиданностью, но только не для Аль Бано и Ромины, которые, сохранив верность своему стилю, своей манере исполнения, по праву заслужили признание. Следует также учитывать и настроение публики, уставшей от назойливых, трескучих ритмов рок-музыки. А еще через два года дуэт уже на первом месте в Сан-Ремо, представив на суд зрителей песню «Чи сара!» («Так будет!»). Пришла слава, имена абсолютных победителей Сан-Ремо стали известны далеко за пределами Италии...

Этим летом Ромина и Аль Бано были гостями Ленинграда, где принимали участие в съемках музыкального телефильма «Волшебная белая ночь». В песне «Чи сара!» («Так будет!») Ромина и Аль Бано поют о любви, о счастье. При всем множестве оттенков и настроений эти темы вечны. Они никогда не устаревают, и потому такие песни нужны людям. И так будет всегда.

Андрей ЗАБОЛОТСКИЙ

ликов. Для того, чтобы снять видеосюжет с песней Джанны Наннини (опять эта «Любовь-душегубка»), понадобился сам Микеланджело Антониони. Многие уже попробовали себя в этом жанре. Видеодиски превратились в колоссальный бизнес, и отставать не хочется никому.

Джанни Моранди, еще один из неподдающихся сменам моды певцов, тоже совершил крутой поворот к миру экранного образа. Неизвестно, чем продиктовано его решение: то ли его убедил в этом очередной партнер — автор текстов к песням Могол, который распрощался с Лучо Баттисти, своим бывшим коллегой, то ли телевидение толкнуло его на этот путь, ведь целый ряд фильмов с участием Джанни Моранди, повторенных по общенациональной телевизионной программе, вызвал огромный интерес у зрителей.

Так или иначе, но Моранди «выбросил» на рынок еще одну пластинку с примечательным названием «Итальянский образ», которая прочно занимает

в рок-блюзовые тона, а те, в свою очередь, играют оттенками наисовременного и беспокойного электронного звучания, которое уже не вписывается ни в один из известных стилей. Это тоже правда.

Недавно Пино Даниеле выступил с концертом в парижском зале «Олимпия» перед почти трехтысячной аудиторией, сплошь состоявшей из молодых людей, которые подвергли театральные кресла серьезному испытанию на прочность. Безучастным не удалось остаться никому. Спустя час после начала концерта танцевал весь зал. Что именно танцевал, никто, вероятно, сказать не мог. Объяснить такую реакцию поможет высказывание одного из двух ударников его ансамбля, Нана Васконселоса (второй ударник — это удивительно одаренный Туллио Де Пископо): «Качество музыки Пино очень схоже с музыкальной традицией развивающихся стран». Что это значит? А то, что в музыке Пино Даниеле заключен весь юг — от юга Италии до Африки и Кубы (не случайно

8 июня 1786 года в селе Сутоки Духовщинского уезда Смоленской губернии, в семье отставного капитана Николая Ильича Глинки родился второй сын. Нарекли его Федором.

Анна Яковлевна ни днем, ни ночью не отходила от колыбели младенца: мальчик был слабым и болезненным. Казалось, не было ни одной хвори, которая не пристала бы к Феде. Его сверстники резвились на пыльных деревенских улицах, бегали в жару лихорадки, пил отвары трав, едва различая жалобные причитания матери.

Успокаивая измученную бессонными ночами жену, Николай Ильич говорил: — Одолеет Феденька, одолеет и в службу пойдет. Корень у нас крепкий, верь мне, матушка. Еще и генералом станет. Я не достиг, а он достигнет...

Анна Яковлевна утирала слезы: — До службы ли? Был бы жив только... Опять нынче кровь носом шла, едва уняли. Ты бы съездил в губернию...

И он, бросая все дела, ехал в Смоленск, ходил по врачам. Доброго этого человека знали, любили и в просьбах не отказывали.

Шли годы. В борениях с недугами подрастал Федя. Запомнилось ему, как однажды поднялась в их доме страшная суматоха. Путешествующая по Белоруссии Екатерина II навестила имение Глинки. Погостила, отобедала, справилась о делах и тут же собственноручно записала старшего сына Николая Ильича, Сергея Николаевича, в сухопутный кадетский корпус.

Долго еще потом обсуждали это событие в Сутоках. Тогда же было решено, что и Федя, по достижении необходимого возраста, продолжит семейную традицию — служить отечеству честью, делом и оружием.

В кадетском корпусе Федор Глинка — маленький, тщедушный, по виду совсем еще ребенок — был среди первых учеников. Живой ум, необычайно цепкая память, воображение помогли ему быстро освоить точные науки. Освоить прочно, получать по математике «полные баллы». Но истинной его любовью, его увлечением, а потом и призванием стала литература.

В день окончания корпуса Федор Глинка и самые близкие его друзья, собравшись вместе, дали торжественную клятву — быть честными людьми, преданно и верно служить родине.

Этой юношеской клятве Федор Николаевич Глинка был верен всю жизнь. Жизнь долгую, сложную, полную превратностей, высоко творческим горением и состраданием — благородным и действенным. Он заслужил благодарную память потомков шпагой и пером, делом и словом, которые употреблял во благо народа. Он оставил заметный и прочный след в русской литературе, служа ей многие десятилетия бескорыстно и честно. Имя его — в ряду тех деятелей нашей отечественной культуры, о которых мы всегда будем вспоминать с благодарностью и уважением.

В 1802 году Федор Глинка был выпущен из кадетского корпуса в Апшеронский пехотный полк прапорщиком. Мужественно и стойко переносил он тяготы армейской службы. Недуги преследовали его. К прежним прибавилась болезнь глаз: сказались непомерное чтение в корпусе, бессонные ночи над любимыми книгами. Но он не привык жаловаться и не просил побряжек у начальства. Товарищи по полку знали, что у маленького прапорщика есть панacea от всех хворей и невзгод — сон. Говорят, что засыпал Глинка мгновенно, стоило ему добраться до постели, а то и прямо на земле, когда объявлялся привал во время походов и учений. Вставал бодрый и свежий, словно испил чудодейственного бальзама. Над ним поду-

ФЕДОР ГЛИНКА

Мугаз КЕШТ

СЕМЬ ЗВЕЗДНЫХ БРАТЬЕВ

ПРОЛОГ

Звезды неустанно льют свой свет.
Мир во власти светового плена.
Новых истин ждет от звезд
Вселенная —
Слов пустых у звезд высоких нет.

Звезды говорят между собой,
Шлют добро и городам, и весям.
Слово вспыхнет и горит звездой,
А потом растает в поднебесье.

1. Побратимы

«И звезда с звездой говорит».
М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

Взгляд небес вбирал твои печали,
Пели звезды, трудный путь деля.
Были дни — надежды уставали,
И тебя звала моя земля.

Добрый гость,
ты каждому был дорог,
Шел к Бештау в сокровенный час,
И тебя хранили наши горы
От следящих и опасных глаз.

Как бы Родина моя ни горевала,
С гостем разделяла хлеб и соль,
Песни, что с тобой она певала,
Обостряли собственную боль.

Сколько строк твоих
всходили к свету
В колыбели наших прошлых бед,
И Кавказ дарил тебе, поэту,
Золотые россыпи легенд.

Для боев хранили сабли в ножнах:
Общий враг наш был тому виной.
Твой палач,
бездарный и ничтожный,
Тайно крался за твоей спиной.

И не мог помочь тебе Бештау,
Только сердце горное зашлось.
Было слышно — плачет пятиглавый,
И леса роняли слезы-дождь.

Выстрел ранил звуком горя горы,
От удара вздрогнули кусты,
И, срывая каменные шоры,
С плачем шла река из темноты.

Палачи сольются с чернотой.
Солнце всходит, презирая их,
Дух поэтов светится звездой,
И летит над миром вечный стих.

2. По Млечному пути

«Свет бессмертных идей
Разрывает земные оковы...»
Али ШОГЕНЦУКОВ

Словно рухнувший лес,
поднимаю ушедшие годы,
продираюсь, иду
лесом времени, жажду огней.
Загораются дни
то костром благодарной природы,
то блуждают они,
ночи темной намного черней.

Возникает сквозь них
и болит вековая картина:
плачет, косы продав,
чья-то нищая, бедная мать,
прижимает к груди
и хранит уцелевшего сына...
Ей на долю одно —
сострадать, и болеть, и рыдать.

Или дева со скал
вниз бросается.
Это жестоко
зло толкает ее,
но не примет она свой позор.
Задрожала земля,
это топот коня Махашоко¹
по округе идет
и ломается эхом у гор.
Слышу: время звучит,
лязгом шашек проходит по крови.
Лук натянут во тьме,
и звучит, точно нож, тетива.
Прут лавиной войска,
и спасают отчизну герои.
На обломки оков
пролила первый свет синева.

Подобрела судьба,
и, на солнечный свет поспешая,
повернулась, пошла
обновленная доля земли.
Гулы давних времен
на страницах звучат, вопрошая:
по истории в жизнь
нас проводит поэт
и учитель Али.

3. Песня

«Горели войны в бою,
Деревья, города горели».
Муса ДЖАЛИЛЬ

Когтями проволоки ржавой
Фашизм вцепился в шар земной
И поражал его отравой,
Грозил гибелью самой.

Колочки, оседлав заборы,
Сжимали жизнь в тиски свои,
По тюрмам шли,
вползали в горы
В обличье жалящей змеи.

Держали намертво живое
И науцали:
— Не дыши!
И даже песне в дни разбоя
Не дали литься от души.

Казалось, радость не воскреснет,
А мир с бедой наедине.
Но вывь
выпархивала песня,
Рожденная на той войне.

4. Тайна гор

«Я, над раненым
камнем склонясь, горевал».
Кайсын КУЛИЕВ

Я не жду неподвижно,
придет ли вода
И меня напоит,
и не снег меня лечит.
Но, Кайсын,
не хочу я пройти без следа,
Поднимаюсь,
иду твоей песне навстречу.
Не меня одного твоя песня зовет.
Твой мотив, жизнерадостный,
вешний,
Выпрямляет траву,
что под камнем растет,
И надежду дает твоя звонкая
песня.

Когда враг озверелый
наш дом поджигал,
Выгорали дома, и пустыли колодцы,
песня.

¹ Махашоко — жестокий кабардинский князь в романе в стихах «Камбот и Ляца» классика и основоположника кабардинской литературы Али Шогенцукова.

И чернела душа
у расколотых скал
От беды и от слез,
что извели горцы.
Ты открыл эту тайну
страдания гор,
Голос истины горькой —
пребудет он с нами.
Даже радость природы
хранит до сих пор,
Как страдал и взывал
твой израненный камень.
Твои песни для гор,
словно чистый родник.
Их услыша, становятся глубже
стремнины,
Поднимаются выше вершины —
К ним весь мир
с любопытством приник.
Не иссякнет строка,
если с жадностью пьет
Сок земли,
припадая к родимой губами.
И готовы стихи, словно голуби —
влет! —
Вознестись и парить
высоко над горами.

5. Всадник не сойдет с коня

«Я б шел быстрее, если б мог».
Алим КЕШОКОВ

Устало солнце смотрит свысока,
Лучи — опоры под щекою.
Казалось, высохла река,
А ручейку не стать рекою.
Не слышно цокота копыт,
Седок — во сне отдохновенья.
И кто теперь возобновит
Полет «чудесного мгновенья»?
Но, верность смелости храня,
Поверив в скорости другие,
Джигит взметнулся на коня,
Поводья натянул тугие.
И полетел... Еще чуть-чуть —
И он найдет дорогу счастья,
И обретет свой «Млечный путь»
Под взглядом общего участка.
Зовет его земной простор,
В быту домашнем сердцу тесно.
Запомнил он мотивы гор
И подарил народу песню.
Прославил он свой отчий род.
И в общей радости движенья
Поймал и всадник, и народ
Полет «чудесного мгновенья».
И если торжествует ночь,
Над миром черным мраком свесясь,
Восходит — всаднику помочь —
«Зелено-ясный полумесяц».
И снова в путь. О всей земле
Тревожится тот всадник странный.
Беда ль грозит — всегда в седле,
Добру он служит неустанно.
Вам слышен вечный стук копыт?
Бессменно всадник рядом кружит.
А если враг за ним спешит,
Джигит его обезоружит.
Хранит незримая броня
Не только всадника — коня!

6. Родной язык

«И если завтра мой язык исчезнет,
То я готов сегодня умереть».
Расул ГАМЗАТОВ

По рангам Родина неразделима.
Лишь человек ничтожен
иль велик.
Бесчестье ждет позорящего имя,
Но славит Родина
героя в светлый миг.

Мал Дагестан, и горский свет аула
Неощутим на карте всей земли,
Но теплые мелодии Расула
Прошли сквозь скалы,
множатся вдаль.

Родным горам
и радостно, и странно,
Что песни горца славу принесли,
Звучат они по городам и странам
И возвращаются домой,
как журавли.

Я судьбы наций вновь перебираю,
Ведь каждая стремится жить века.
Но нация безвольно умирает,
Когда лишается родного языка.

7. Звезда

«Без тебя я орел без крыльев,
Цепь пустая над очагом».
Бетал КУАШЕВ

Я видел дрожь
летящей вниз звезды —
Последний свет ее мерцал, взывая,
А человек молчал в цепях беды —
Глаза сияли, тихо угасая.

Звезда сгорела,
только искры вкось
Ушли бесследно —
и куда что делось?
А сердце вспыхнуло и вознеслось,
Звездой земною загорелось.

Погаснет свет —
звезде придет конец:
Ей нечем мрак прожечь
и с тьмой бороться.
Бессмертна мысль,
хотя ушел творец —
Она в строках его сегодня бьется.

Служил поэт народу до конца,
А он к нему —
с любовью и приветом...
Печаль и гордость вдинят сердца,
Когда народ прощается с поэтом.

ЭПИЛОГ

Я посажу деревья по весне,
Пусть входит сила в молодые
кроны.
Куда еще свой путь
направить мне?
Вершиной бредит дух
непокоренный.

Стремлюсь я
к невозделанным полям,
А легкий путь любому уступаю.
Случается, летит ко всем чертям
Тот камень, на который наступаю.

И все ж иду. Терзает зной в пути,
И ветер злой мою сгибает спину.
Но память требует: не уступи,
Взойди на непокорную вершину.

Перевела с кабардинского
Наталья ДАРДЫКИНА.

Уильям
КОТЦВИНКЛ

САТИРИЧЕСКАЯ
ФАНТАЗИЯ

— Что здесь произошло?
— Где здесь?
— Где? Это не комната, а свалка.
Старый космолог, сжавшись, сидел в чулане между Герти и Майклом.
Через одну из щелей в двери чулана он разглядывал мать этих детей—она показывала сейчас на вещи, которые он, когда искал детали для передатчика, побросал на пол.
— Эллиот, я слышала, как визжала Герти. Почему она визжала?
— Не знаю—просто вбежала в комнату, завизжала, и все.
Мэри задумалась. А как сама она, когда была маленькая, вбежала в комнаты, визжала безо всякой на то причины? Такое случалось, и часто. И сейчас ей тоже хочется завизжать. Может, повизжать на него, а потом уйти?
— Я не хотела на тебя орать, Эллиот. Извини меня. Но уберись комнату, пока я тебя не убила.
Мэри повернулась и вышла. Когда она уже спускалась по лестнице, дверь чулана открылась, и Майкл, Герти и древний ботаник снова появились в комнате.
Майкл из чулана вышел с чувством, будто он бежит на дистанцию пятьдесят ярдов и ему преградил внезапно дорогу паровой каток; от неподвижного сидения тело у него онемело, и его не оставяла мысль, что все это ему снится, а может, он-таки пошел играть в регби, столкнулся с кем-то головами и лежит без чувств. Однако рядом Герти, как всегда надоедливая, и Эллиот в натуральную величину. И страшила.
— Эллиот, мы должны рассказать маме.
— Нельзя, Майкл. Она захочет поступить как полагается. А ведь ты понимаешь, что это значит, да?
— Он хоть говорить умеет?
— Нет.
— Ну, а зачем он на Земле?
— Не знаю.
Мальчики одновременно посмотрели на Герти, которая широко открыв глаза, смотрела на существо из космоса.
— Он ничего тебе не сделает, Герти. Можешь его потрогать.
Инопланетянин не стал противиться, он позволил детям ощупывать его, тыкать в него пальцами; посланная детских пальцев ритмичными пульсациями шли к рецепторам в глубине его тела, и хотя послания эти были сбивчивые, путанные, называть головы, их родившие, глупыми было никак нельзя. Но по силам ли им поднять его в Великую Туманность?..
— Не рассказывай о нем никому, Герти, ладно? Даже маме.
— А почему не рассказывать?
— Потому... потому что взрослые его не видят. Его видят только дети.
— Ты врешь.
Эллиот взял из рук Герти куклу.
— Знаешь, что будет, если ты скажешь?
Он вывернул руку кукле за спину.
— Не надо! Не надо!
— Обещаешь, что не будешь рассказывать?
— А он откуда, с луны?
— Ага, с луны...
Лежа на полу в спальне, Мэри повторяла упражнения, передававшиеся сейчас по телевизору. Показывали пятидесятилетнюю шведку без единой морщинки на лице и ее партнера, наихудший вариант дебила.
— ...и—раз... два... три...
Мэри старательно повторяла их движения, но сби-

лась с ритма, выключила звук и теперь просто лежала на ковре.
Из комнаты Эллиота глухо доносились голоса детей. Не может быть, чтобы чутье ее обманывало, они явно что-то замышляют; в доме какое-то напряжение. Не потому ли в голове у нее снова жужжит? Пора кормить ее голодных малюток.
— Ну-ка,—крикнула она им, уже идя по коридору,—пошли, поможете мне с обедом!
— Ответа, естественно, не последовало.
Сегодня у нее будет индейка в тесте и... минутку... картофельное пюре-полуфабрикат, это будет чудесно, и соленое сухое печенье.
Она принялась застряпню, поглядывая время от времени в кухонное окно на свой двор и на соседний, где, будто спятивший великан на детском автомобильчике, разъезжал на газонокосилке хозяин. В ее дворе травы не было из-за Харви: тот перекопал всю землю в поисках несуществующих костей. Сейчас Харви смотрел на нее и кланчил, как он это умел, ушами—одно торчит вверх, другое свисает.
— Кто изгрыз щетку, Харви? Не знаешь? Наверно, кто-нибудь из наших знакомых?
Харви облизнул нос.
— Что, Харви? Что ты такое увидел? Может, мимо нас опять прошла эта крошка с бантом, французский пудель?
Харви опустил голову и негромко зарычал, потом заскулил. День скоро кончится, а обеда до сих пор нет. Все забыли о самом важном—кормлении собаки. Что происходит? Не из-за уродины ли это, которая теперь живет наверху?
Видно, придется ее съесть.
Мэри пошла к лестнице и, как любящая мать, позвала семейство обедать:
— А ну, спускайтесь, не то...
Немного погодя по лестнице затопали носороги, и появился наконец ее выводок; вид у всех троих был таинственный.
— Что вы затеяли? Выкладываете, я ведь вас насквозь вижу.
— Ничего мы не затеяли, мам.
Герти посмотрела на куски индейки.
— Ньям-ньям!
— Сейчас, дорогая. Эллиот, передай, пожалуйста, соль.
— Я сегодня оборудовал свой чулан под жильё,—сказал, избегая ее взгляда, Эллиот.
— Под какое еще жильё?
— Ну, вроде как логово.
— Скажи правду, Эллиот, тебе это логово нужно не для того, чтобы прятаться от жизни? Мальчишкам не следует проводить все время в чулане.
— Не все время. Только некоторое.
— Я должна это обдумать,—сказала Мэри, и все поняли, что выбора у нее нет, что Эллиот будет приставать к ней с чуланом до тех пор, пока она не сдастся. Она попыталась незаметно перевести разговор на другую тему:—Пюре просто восхитительное, правда?
— Ньям-ньям!
— Пожалуйста, Герти, раз нравится, бери еще.
— В детском саду я ем лучше,—сказала Герти.—Нам дают большие шоколадные пончики.
— Да? Мне придется поговорить об этом с директором сада.
— Он маньяк.
— Герти, не употребляй слова, которых не понимаешь.
— Ма-а-няк, ма-а-няк,—запела Герти негромко, и Мэри закрыла лицо руками.

Инопланетянин крадучись вышел из чулана. Сфокусировав глаза на расстояниях порядка атомных, он

кинул комнату взглядом. В поле его зрения появились танцующие по кругу электроны; но от вихрей микрокосма никакого проку в этом случае нет. Нужны твердые тела, такие, как... как проигрыватель.

В один миг он перефокусировал глаза на обычное зрение и направился, шаркая, к вышеозначенному предмету. На диске ничего не было. Он поставил на него палец и крутанул.

Как приспособить сюда столовую вилку?
«Жди ответа, он будет»,—сказал голос в глубинах его сознания.

Старый путешественник кивнул. Спасение придет через сигналы, нитями выпрядаемые в ночь, через нити надежды, через сотни миллионов таких нитей, блестящих, как шелковистые волокна на голове гибкого существа.

С нижнего этажа доносилось звяканье вилок (теперь он узнавал этот звук сразу), а также звон посуды и искаженная расстоянием тарабарщина.

— Мамочка, почему дети все могут видеть, а взрослые не могут?

— Что же ты такое видела, Герти?
— Мамочка, а что это за люди, которые непохожи на людей?

Что-то говорило человеку, который не был похож на человека, что намеренно дети его не предадут, но от маленькой девочки можно ожидать неприятностей: ведь она не понимает, что необходимо скрывать факт его пребывания в доме.

Пока, однако, он вроде бы в безопасности. Обед, похоже, кончается; наверняка съели огромное количество M&M. Может быть, скоро их принесут и ему? Хорошо бы!

— Ну ладно, кто будет мыть посуду?
Одновременно с голосом гибкого существа он воспринял телепатически и ее образ—голову, обрамленную сиянием волос, которые тоньше и мягче шелка. Вот если бы еще нос у нее... был больше похож на раздавленную брюссельскую капусту...

Он снова крутанул пальцем диск проигрывателя. На лестнице послышались шаги Эллиота, и с подносом в руках мальчик появился в комнате.

— Вот твой ужин,—прошептал он.
На тарелке были листья латука, яблоко и апельсин. Древний ботаник взял апельсин и, не снимая с него кожуры, съел.

— Ты их всегда так ешь?
Инопланетный путешественник нахмурился; орган химических анализов внутри его организма советовал ему в следующий раз апельсин вымыть.

— Ну, как вообще жизнь? Хорошо себя чувствуешь?—Взгляд Эллиота упал на крутящийся диск.—Хочешь послушать что-нибудь?

Страшилище дало понять, что хочет. Эллиот поставил пластинку и опустил на нее иглу.

— «Переломы буду-ут, но ведь это рок-н-ролл...»
Старый звездороходец слушал диких звуки, смотрел, не отрываясь, как крутится пластинка, а сам думал о передатчике. Нет, на этот звук камней, скатывающихся с горы, Корабль Наполненной Чудесами Ночи не откликнется. Передавать нужно на своем языке. Как смодулировать его звуки? Как преобразовать их в частоты микроволнового диапазона?

Из коридора донесся голос гибкого существа:
— Что ты собираешься делать, Герти, милочка?
— Я иду поиграть в комнате Эллиота.
— Не разрешай ему тебя мучить.
Девочка вошла в комнату, она взяла маленькую тележку, полную игрушек. В тележке был также горшочек с геранью, она взяла его и поставила у ног старого ботаника.

Он смотрел на подарок и не мог оторвать глаз. Свет-его-сердца замерцал.

— Благодарю тебя, девочка. Очень мило с твоей стороны.
Появился Харви. Он обнюхал страшилище, потом направился к герани. Может быть, нужно ее полить?

— Меньше эмоций, Харви,—сказал Эллиот.
Заглянул Майкл, в душе надеясь, что страшилище исчезло, но оказалось, что оно на месте, по-прежнему нужно иметь с ним дело. Майкл посмотрел на него внимательно, потом повернулся к Эллиоту:

— А может, это просто какое-нибудь животное из тех, которых считают вымершими?
— Не придумывай, Майкл.
— Но я в инопланетян не верю!
— А я теперь верю. Да и всегда верил.

Герти высыпала перед страшилищем на пол свои принюхания.

— Вот пластилин. Ты им умеешь играть?
Инопланетянин взял пластилин и поднес ко рту, явно собираясь откусить.

— Да нет же, глупый, из него лепят!
Герти показала, как, и он скатал между ладонями шар.

— У меня мысль,—сказал Эллиот.—Где глобус? Майкл подал ему. Эллиот повернул глобус Север-

ной Америкой к космическому путешественнику.

— Смотри, вот здесь мы.

Путешественник кивнул: он узнал этот кусок суши, он часто видел его, когда под примерно таким же углом пролетал в Корабле Веков над планетой. Да, он знает эту планету, знает ее хорошо...

— Ага,— сказал Эллиот,— здесь мы и живем. А где живешь ты?

Старый ученый повернулся к окну, устремил взгляд на усыпанное звездами небо.

Эллиот открыл атлас и показал схему Солнечной системы.

— Ты из нашей части Вселенной?

Инопланетянин разделил пластилин на шесть частей, скатал шесть шариков и разложил их на схеме Солнечной системы, один на месте Солнца, а пять вокруг.

— Пять? Ты не с Юпитера?

Он не мог понять, что они говорят, он понимал только, что они его о чем-то спрашивают. Он показал на пять шариков и позволил течь энергии из кончиков его пальцев. Шарик поднялся в воздух и поплыл над головами детей.

Шарики кружили по своим орбитам, а дети издавали короткие нечленораздельные звуки.

— Ой... как же это...

Что с ними, уж не обидел ли он их?

От отключил силовое поле, и шарики попадали на пол.

После этого, взяв горшочек с геранью, он удалился в чулан.

— Мамочка,— сказала Герти,— у Эллиота в чулане страшила.

— Прекрасно, дорогая.

Мэри лежала на диване в гостиной, положив ноги повыше, и старалась не слышать детей, что вскоре стало совсем невозможно: Эллиот ударил Герти свернутой в трубку газетой.

— А-аааааааааа!— завопила Герти.— Я тебя не люблю, Эллиот!

— Эллиот, прекрати сейчас же!— Мэри повернула лицо, покрытое толстым слоем крема.— Не трогай Герти.

— Почему?

— Потому что она твоя сестра.

— Пошли, Герти,— сказал, внезапно меняя тон, Эллиот.— Мы с тобой поиграем во дворе.

— Так-то лучше,— сказала Мэри и вернула голову в прежнее положение. Прислушалась: Эллиот выводит Герти во двор. Ведь может же быть с сестренкой любящим и ласковым, когда захочет...

— Скажи еще хоть словечко о страшиле,— прошипел Эллиот, когда они с Герти сошли с крыльца,— и я повыврываю волосы у всех твоих кукол!

— Попробуй только,— сказала Герти, упершись маленькими кулачками в бока.

— Герти, этот страшила... ведь это подарок нам, да еще какой!— Эллиот с трудом продирался сквозь собственные мысли, пытаясь найти слова, которые передали бы владевшее им чувство, что в их жизнь вошла некая высокая цель и лучше того, что происходит сейчас, с ними еще никогда ничего не бывало.— Мы обязательно должны помочь ему, ясно?

— А для меня он все равно как большая игрушка,— сказала Герти.

— Он совсем не игрушка. Он удивительное живое существо оттуда.

И Эллиот показал на небо.

— Все равно он как игрушка.— Герти надула губы.— А мама говорит, что мы должны делиться игрушками друг с другом.

— Ты сможешь им играть. Но только это должен быть наш секрет.

— Се-екрет, се-екрет, я зна-аю секрет!— пропела Герти. Когда она снова посмотрела на Эллиота, в глазах у нее прыгали чертики.— А что ты дашь мне, если я не скажу?

— А чего ты хочешь?

— Твое маленькое радио, по которому ты разговариваешь с ребятами.— И Герти торжествующе улыбнулась.

Такой радости в ее жизни не было еще никогда: теперь она может заставить брата, хоть он и старше ее, делать все, чего она потребует.

— Ладно,— сказал он,— бери.

— И еще ты будешь играть со мной в куклы.

Эллиот смотрел на нее как затравленный зверь.

— ...и все куклолки будут пить чай.— Герти накрывала у себя в комнате игрушечный столик. Куклы, большие и маленькие, сидели вокруг него и мило болтали.—...И моя кукла говорит твоей кукле: «Как ужасны мальчишки!» А твоя кукла говорит...

Эллиот безропотно слушал, что именно должна сказать его кукла, а потом это говорил, одновременно заставляя куклу поворачивать голову, тянуться за чаем. С тоской вспоминал теперь Эллиот то прекрас-

Рисунок
Виталия ФЕДОРОВА

ное время, когда он стремительно проезжал на роликах по кукольным чаепитиям Герти и с хохотом уносился прочь. Неужели те времена никогда больше не вернуться?

Мэри проходила мимо открытой двери и заглянула.
— Ой, Эллиот, как мило с твоей стороны!— воскликнула она радостно.

— Эллиот теперь будет играть со мной в куклы каждый вечер!— сказала, сияя от счастья, Герти. Кукла Эллиота застонала и соскользнула под столик.

Когда Тайлер пришел играть в «Подземелья и драконы», он не поверил своим глазам: с Герти в кухне был Эллиот, который в переднике готовил для нее что-то на игрушечной плите.

— Эй, ты что, того?

Долговязый, преждевременно вытянувшийся Тайлер прислонился к косяку. Одни только длинные руки и ноги.

— Что вкусного стряпаяешь, Эллиот?— И Тайлер сложился вдвое над игрушечной плитой, возле которой радостно хлопотала Герти.

— Будь другом, Тайлер, исчезни.— И Эллиот вытер руки о передник с цветочками.

— Могу, но ведь у нас сегодня «Подземелья и драконы». Ты что, забыл?

— Эллиот будет играть со мной до конца своей жизни,— заявила Герти.

Открылась дверь, и вошел Грег, похожий в своей блестящей переливающейся рубашке на многоцветный леденец.

— Привет, что здесь происходит?

— Ничего,— прошипел над «тестом» Эллиот.

— С драконьим мясом мы,— запела Герти,— печем здесь пирожки-и!

Грег повернул стул спинкой вперед и сел на него верхом.

— Да-а,— протянул он,— теперь меня уже ничем не удивишь.

Он во все глаза смотрел на Эллиота, который, насколько он знал, был как все братья на свете: играл с сестрой, только если было интересно ему, например, щекотал ее чуть не до истерики, что любил делать и он, Грег, с собственной сестрой. Играть в такую игру с сестрой нормально. Но в куклы?..

В кухонном окне возник последний недостающий участник игры в «Подземелья и драконы»: Стив; на голове у него была бейсбольная шапка, которую украшали два небольших крыла. Взявшись за них, Стив ими покачал. После этого приветствия он вошел.

— Не говори ни слова!— прорычал Эллиот, ставя «сдобу» в игрушечную плиту.

— А что я могу сказать?— Стив опять покачал крыльями на шапке.— Всякое бывает.

Однажды и его шантажировала сестра. С сестрами всегда нужно быть начеку: запирать дверь в свою комнату, выключать свет. Осторожность важнее всего.

— У нас с Эллиотом маленькая кондитерская,— сказала нардеп, склонившись над своими глиняными пирожными, Герти.— И все-все покупают наше печенье, даже Санта-Клаус.

Она повернула регуляторы и закрыла дверцу духовки. Потом посмотрела на Эллиота. Того перекосило, и он начал делать новую партию «сдобы».

Ночью инопланетянин, лежа на подушках, увидел, как Эллиот вылезает из окна комнаты на черепичную крышу.

Зачем, интересно, он туда лезет?

В маленькое окошко чулана космический путешественник видел, как Эллиот перескакает покатуку крышу и начинает быстро спускаться по приставной лестнице. Мгновение — и Эллиот исчез.

Престарелый звездный скиталец начал наблюдать за мальчиком телепатически. Сейчас Эллиот уже поднимается вверх по склону холма. Не за пищей ли для своего друга, живущего в чулане, отправился он?

Оглядевшись по сторонам, мальчик вышел на

Как исчисляется двухмесячный срок при расторжении трудового договора по инициативе работника?

Л. Смирнов,
Днепропетровск

Исчисление срока предупреждения об увольнении по собственному желанию, как и всех других сроков в трудовом праве, начинается со следующего дня после подачи заявления. В этот срок включаются не только рабочие, но и выходные дни. Например, работник подал заявление 5 марта, значит, срок предупреждения начнет исчисляться с 6 марта и закончится 5 мая. Этот день является последним днем работы и будет считаться днем увольнения. В этот же день с работником должен быть произведен полный расчет и выдана трудовая книжка.

Если последний день срока предупреждения приходится на выходной день, то днем его окончания считается первый рабочий день, следующий за выходным.

Я принят на работу шофером, но меня второй месяц обзывают работать вместо заболевшего слесаря, ссылаясь на производственную необходимость. Могу ли я отказаться от этой работы?

С. Криворучко,
Курск

По общему правилу администрация не может требовать выполнения работы, не обусловленной трудовым договором. Однако в отдельных случаях законодательство допускает возможность перевода рабочего или служащего на другую работу на том же предприятии, на другое предприятие или в другую местность вместе с предприятием. Такой перевод производится только с согласия работника. Без его согласия временный перевод на другую работу может иметь место только в порядке производственной необходимости или простоя, а также в качестве одной из мер дисциплинарного взыскания.

Бывает, что администрация без достаточных на то оснований, ссылаясь на производственную необходимость, а фактически прикрывая неумение организовать труд работников, обзывает их выполнять различные посторонние работы. Закон четко предусмотрел случаи, при которых допускается такой перевод на другую работу без согласия работника, а именно: для предотвращения или ликвидации стихийного бедствия, производственной аварии или немедленного устранения их последствий, для предотвращения несчастных случаев, простоя или порчи государственного или общественного имущества и в других исключительных случаях, а также для замещения отсутствующего работника (ст. 26 КЗоТ РСФСР). Вам, тов. Криворучко, следует знать, что продолжительность перевода для замещения отсутствующего работника не может превышать одного месяца в течение календарного года.

Если при переводе не соблюдаются вышеуказанные условия, работник вправе отказаться от выполнения другой работы. При этом администрация не имеет права наказывать его за это.

«РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА»

Музыка Евгения ЖАРКОВСКОГО

Стихи Анатолия ПОПЕРЕЧНОГО

Метель куролесит по свету,
метель все следы заметает,
а в сердце забвения нету,
а сердце опять замирает.

Давно та метель отшумела,
но в трепетной памяти это,
хоть звали его не Ромео,
хоть звали ее не Джульетта...

В блокадную зиму то было,
в морозной глухой круговерти,
но девушка парня любила
всего в двух рассветах от смерти.

Вдали канонада гремела,
взлетала и гасла ракета...
И звали его не Ромео,
и звали ее не Джульетта.

Часы бесконечные длились...
Для них они были мгновеньем.
Как будто бы хлебом, делились
они своим первым гореньем.

И в этом горенье несмелом
настигла их смерть до рассвета,
хоть звали его не Ромео,
хоть звали ее не Джульетта...

Метель куролесит по свету,
метель все пути заметает...
Пусть ищет Ромео Джульетту,
находит и не умирает!..

А люди спюют, как умеют,
извечную песенку эту —
о тех и об этих Ромео,
о тех и об этих Джульеттах.

27-я ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

ШАХМАТНЫЕ ДУЭЛИ

Когда в задачах, чаще всего многоходовых, от каждой из сторон «солирует» по одной фигуре, создается впечатление их единоборства. Конечно, и все другие наличные фигуры незримо участвуют в борьбе сторон, но определяющее значение имеет исход именно этого единоборства. В шахматной дуэли могут сойтись совершенно различные фигуры, скажем, ферзь против пешки. И не всегда побеждает сильнейший! Только не надо понимать единоборство двух играющих фигур буквально, дескать, одна фигура уничтожит другую. Нет, в задачах всегда да погибает черный король. Поражение белых — когда не удается дать мат в заданное число ходов. А белыми играете вы, уважаемый читатель! Успеха вам!

Десятый тур

Белые: Крс7, Сб8, Кн5, п.д4 (4)
Черные: Кра8, Сс4, п. д5 (3)
Мат в 5 ходов (2 балла)

II

Белые: Крп1, Фа4 (2)
Черные: Крд1, Лс2, Се1, пп. d2, f2 (5)

Мат в 6 ходов (3 балла)

III

Белые: Крб2, Сф2, Ка2, Кг3 (4)
Черные: Крд1, Кб5, п.д2 (3)
Мат в 4 хода (3 балла)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «27-я шахматная олимпиада, 10-й тур». Решение всех заданий необходимо привести полностью. Последний срок отсылки писем (по почтовому штемпелю) — 15 августа.

3-я ШАШЕЧНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией
заслуженного
тренера БССР
Виктора КРАМАРЕНКО

КОМБИНАЦИОННЫЕ ВЗРЫВЫ

В читательских письмах часто встречаются вопросы: как получаются комбинации?

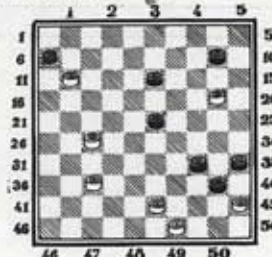
Гроссмейстер В. Агафонов в своей книге «Комбинация. Международные шашки» приводит полные партии, а не фрагменты, как это обычно принято, чтобы предоставить читателю возможность проследить за борьбой в середине партии и за истоками комбинационных «взрывов». В книге приведены партии известных гроссмейстеров и мастеров, в которых они, попавшись на комбинацию, потерпели поражение. И это неудивительно. Попастись на комбинацию, разумеется, различной степени сложности может каждый — и новичок, и опытный гроссмейстер.

Вот один из примеров из книги. Щеголев — Гурков, Москва, 1981 год.

1. 34—30 18—22 2. 32—28

12—18 3. 37—32 7—12 4. 41—37 1—7 5. 46—41 20—25 6. 30—24 19:30 7. 35:24 (неожиданно игра свелась к русской партии) 7... 14—20 8. 33—29 22:33 9. 39:28 17—21 (все чаще в турнирной практике черные создают контригру, поддерживая напряжение в партии) 10. 29—23 20:29 11. 23:34 21—26 12. 43—39 10—14 13. 38—33 11—17 14. 42—38 17—22 15. 28:17 12:21 16. 33—28 7—12 17. 39—33 5—10 18. 44—39 14—20 19. 49—43 18—23 20. 28:19 13:24 (черные рискованно уступают центральные поля доски) 21. 47—42 9—13 22. 33—28 10—14 23. 39—33 4—9 24. 34—29 24—30 25. 50—44 30—35 26. 43—39 14—19 27. 40—34 19—24 28. 48—43. Ненужный подрыв позиции, шашка 48 является как бы фундаментом, поддерживающим всю позицию. Надо было играть 28. 31—27, затем 29. 28—22 30. 33—28, создавая крепкий центр. 28... 2—7 29. 31—27 9—14 30. 28—23 24—30 31. 27—22?

Черные поймали своего маститого соперника на невиданную комбинацию!

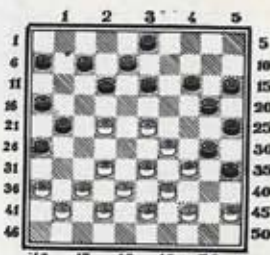

31... 12—17! 32. 22:2 26—31! 33. 37:17 13—19! 34. 2:24 30:48. Новый

редчайший удар в практической комбинации; вскоре белые сдались.

Десятый тур

1. В. Муляр, Хмельницкая область. Публикуется впервые.

2. Г. Шестериков, Волгоградская область. Публикуется впервые.

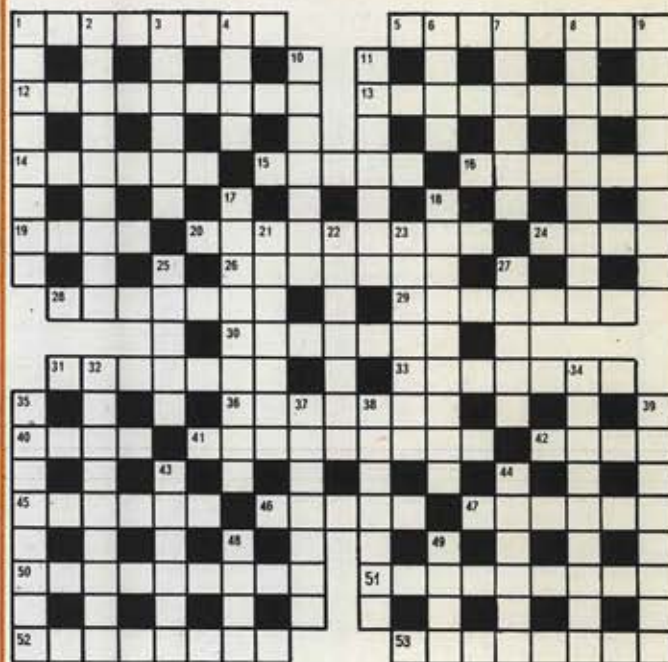

В обеих позициях белые начинают. Читателям предлагается сделать анализ: выигрыш, ничья или проигрыш белых (по 4 балла).

Ответы на задания десятого тура присылайте с пометкой: «3-я шашечная олимпиада. 10-й тур». Последний срок отправки ответов — 15 августа (по почтовому штемпелю).

КРОССВОРД

Составил Н. ЗИНКЕВИЧ, Москва

По горизонтали:

1. Зерновая культура. 5. Ученость, начитанность. 12. Свод правил, законов. 13. Неуступчивость. 14. Сорная трава. 15. Мягкая выделанная кожа. 16. Немецкий философ начала XIX века, призывавший к всемирному союзу народов. 19. Город в Коми АССР. 20. Первый русский ученый мирового значения. 24. Оперный композитор XVIII века, примыкавший к венской школе. 26. Вредное насекомое. 28. Железнодорожное сигнальное устройство. 29. Музыкальное украшение в виде быстрого следования смежных тонов. 30. Языковед. 31. Прибор для усиления голоса. 33. Знаменитая американская киноактриса. 36. Ловчая птица. 40. Этнографическая группа мордвы. 41. Железобетонный метеорит. 42. Разменная монета Замбии. 45. Ответ на призыв, приглашение. 46. Областной центр Украины. 47. Один из основоположников немецкой классической литературы. 50. Ограниченный участок водной поверхности. 51. Изысканное блюдо. 52. Важнейшее качество часов. 53. Проверка.

По вертикали:

1. Частый кустарник. 2. Письменная просьба в Древней Руси. 3. Гонимый пес. 4. Стоимость. 6. Пристань на реке Зеравшан. 7. Дипломатическое действие, выступление. 8. Аминокислота, не входящая в состав белков. 9. Художник-передвижник. 10. Садовые ножницы. 11. Рейка для измерения уровня воды в реке, озере. 17. Светобоязнь. 18. Единоженство. 21. Тип соуса. 22. Напраслина, ложное обвинение. 23. Старинное фитильное ружье. 25. Любимая одежда Обломова в романе И. А. Гончарова. 27. Героиня романа Ф. Купера «Зверобой». 32. Советский композитор, собиратель казахского музыкального фольклора. 34. Опера Д. Верди. 35. Воздухоплаватель. 37. Польский поэт-лирик. 38. Канавка, оставляемая плугом. 39. Антоним скупости. 43. Маленький ресторан в странах Западной Европы. 44. Руда одного из металлов. 48. Пещера. 49. Муза, покровительница истории.

ОТВЕТЫ
НА
КРОССВОРД,
ОПУБЛИКОВАННЫЙ
В № 11

По горизонтали:

3. Элсмир. 5. Гнездо. 7. Жостер. 8. Штукер. 13. Валенки. 14. Отблеск. 15. Кварцит. 18. Стентор. 20. Блиндаж. 21. Изложница. 22. Помада. 23. Доллар. 28. Консонанс. 30. Йиглава. 32. Тэфтели. 34. Опунция. 36. Манилов. 37. Румынка. 38. Апогей. 39. Усилие. 40. Надолб. 41. Юкатан.

По вертикали:

1. Змеевик. 2. Цейтнот. 4. Лысенко. 6. Децибел. 7. Жилина. 9. Роевня. 10. Хватка. 11. Упряжь. 12. Октава. 16. Вальдшнеп. 17. Исиномаки. 19. Ритмика. 20. Балласт. 24. Призма. 25. Шорник. 26. Филлал. 27. Бленда. 29. Чтение. 31. Волхова. 33. Ермолка. 34. Овцевод. 35. Ярослав.

Конкурс юмористических рисунков

Константин КИРИЛЛОВ,
Тула

Владимир СТЕПАНОВ,
Новосибирск

Александр ОБУХОВ,
Москва

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописных страницы) редакцией не рассматриваются.

Сдано в набор 06.05.85. Подписано к печати 20.05.85. А 04430. Формат 70x108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 1385. Заказ № 739. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Спортивный автограф

Спорт учит презью
оцениваться себе. А это очень
важно в жизни.

А. Арвидас

Уважаемые читатели! Благодарим вас за внимание к публикациям рубрики «Спортивный автограф», за ваши советы. Напоминаем, что наш спорт богат чемпионами не только в таких видах спорта, как футбол и хоккей. И потому мы расскажем вам также о замечательных советских спортсменах, завоевавших чемпионские титулы в гребле, в легкой атлетике, боксе, плавании, велосипедном спорте.

Сегодня вам предстоит встреча с баскетболистом Арвидасом Сабонисом. Об этом просили нас читатели Д. Цицанданбаев из села Можайка Бурятской АССР, С. Лапиков (Новомосковск), К. Караева (Херсон), Ю. Старушин (Майкоп), М. Извекова (Владивосток), С. Красилов (Казань) и другие (всего 89 читателей).

Фото Евгения МИРАНСКОГО, Юрия СОКОЛОВА

Двадцатилетний центровой каунасского «Жальгириса» Арвидас Сабонис — лучший баскетболист Европы 1984 года. Такое решение приняли участники авторитетного международного опроса, проведенного итальянской «Газетта делло спорт». Впервые лауреатом оказался столь молодой спортсмен.

Чем же этот молчаливый бородастый великан (рост Сабониса — 220 сантиметров, вес — 130 килограммов) привлек к себе такое внимание? А тем, что не в пример многим баскетболистам не уповает лишь на свою физическую мощь. Арвидас стремится не подавить — переиграть, перехитрить противника. Он любит творческий и артистичный баскетбол.

Если в жизни Сабонис корректен и добродушен, то на площадке он дерзок и азартен. «Я стараюсь играть в полную силу», — заметил Арвидас в нашем разговоре. Судя по тому, как горячо приветствуют его болельщики в разных странах, лидеру «Жальгириса» это удается. Нередко он, подобно опытному фокуснику, буквально завораживает зрителей поистине цирковыми трюками с мячом, мягко и метко перебрасывая его партнерам из-под ног, из-за спины, сбоку — словом, из самых неудобных положений. Или внезапно чуть ли не с центра поля посылает мяч по высокой крутой дуге прямехонько в кольцо.

В августе на московских международных состязаниях «Дружба-84» мой сосед по ложе прессы назвал Сабониса «баскетбольным Харламовым». А в декабре Арвидас подтвердил правоту соседа та-

кого сравнения. На представительном турнире в Испании наша сборная впервые встретила с якобы непревзойденными американскими профессионалами. И победила. А каунасский центровой стал подлинным героем матча, затмив собой «суперзвезду» родоначальников баскетбола Арчибалда. Не так ли когда-то и Харламов при первом же знакомстве сбил излишний гонор с заокеанских хоккейных «профи»?

— Американские баскетболисты — прекрасные солисты, — говорит Арвидас. — Но, видно, их недостаточно учат коллективизму, товарищеской взаимовыручке. А в нашей сборной действует железное правило: прежде всего думай о команде. Мы побеждаем благодаря взаимопониманию, слаженным комбинационным действиям. Каждый старается помочь партнеру, в особенности новичку, сполна проявить игровые достоинства.

Старший тренер сборной СССР Александр Гомельский — а он уже четвертый десяток лет работает в большом баскетболе и повидал немало великолепных мастеров — так отзывается о Сабонисе:

— Тонким мышлением, раскованностью, красотой движений он напоминает мне Александра Белова — автора легендарного «золотого броска», который на Играх-72 в Мюнхене принес нашей команде первую и пока единственную олимпийскую победу. Мы пригласили Арвидаса в сборную в 1982 году. Ему тогда едва исполнилось семнадцать. А несколько месяцев спустя на мировом чемпионате в Колумбии он вместе с товарищами поднялся на высшую ступеньку пьедестала. Вскоре Сабонис закрепился в стартовом составе. Когда мы выступали в США, где выиграли девять из двенадцати поединков с сильнейшими университетскими клубами, даже избалованные американские болельщики приходили в восторг от необычайной быстроты и легкости юного гиганта. Сейчас Сабонис не только многое умеет сам, но и отменно взаимодействует с партнерами, в особенности с Владимиром Ткаченко. Вдвоем они способны протаранить и запутать любую оборону. В общем, я считаю, что природа наделила Арвидаса выдающимся талантом.

В семье Сабонисов долгое время никто об этом не догадывался. Отца Арвидаса, закройщика швейной фабрики, и маму, бухгалтера, тоже маленькими не назовешь, но баскетболом они никогда не увлекались. Неудивительно, что и будущий центровой в детстве не особенно к нему тяготел. Тренерам, присмотревшим долгового парнишку на школьном уроке физкультуры, пришлось не один месяц уговаривать его записаться в ДЮСШ. В конце концов тот согласился: родители сказали, что нехорошо упрямяться перед взрослыми. Кстати, теперь его примеру последовал и младший брат, двенадцатилетний Андриус.

Но предоставим слово Арвидасу: — Лет до одиннадцати я стоял по росту только третьим в классе. Наверное, поэтому заслуженный тренер Литовской ССР Юрий Федоров предложил мне вначале поиграть в защите, на фланге и лишь потом определил в центровой. Я понял, что у каждой баскетбольной роли свои секреты. Разбираться в них оказалось очень интересно. А тут еще увидел по телевизору прославленного югослава Чосича. Благодаря удивительно разностороннему мастерству он мог в одиночку предрешить исход иного матча. Так появился образец для подражания.

Осенью 80-го юношеская сборная Литвы, самым ярким игроком в которой был Сабонис, победила на Всесоюзной спартакиаде школьников. Арвидаса пригласили в «Жальгирис». Но он решил повременить — считал, что не дорос еще до команды мастеров. Почетное приглашение принял лишь после года напряженных тренировок, когда почувствовал, что окреп физически, прибавил в скорости, в прыгучести. Взыскательность к себе — одна из черт его характера.

— Мне и сейчас очень далеко до совершенства, — убежден лучший баскетболист континента. — Во-первых, увлекаюсь рискованной обводкой. Во-вторых, не всегда успеваю подбирать мячи у щита, ставить надежный заслон перед соперниками. Чрезмерно «завожусь» в борьбе и в итоге зарабатываю фолы... Ну, и ноги необходимо срочно «подкачать» — за последний год подрос на пять сантиметров, и сразу стало тяжелее передвигаться по площадке.

Арвидас учится на экономическом факультете Литовской сельскохозяйственной академии. Когда устает, старается хотя бы на денек-другой выбраться на море, чтобы побродить в одиночестве по дюнам. «Понимаете, каждая игра отнимает массу эмоциональной энергии, — поясняет он, — и на прогулках я возвращаю себе душевное равновесие. Но иногда люблю потанцевать в дискотеке. Или покататься с друзьями на машине. Давно мечтаю выступить в автоталли — у нас в Литве они очень популярны, — да тренер не позволяет. Считает меня лихачом и боится, как бы «Жальгирис» не остался без центрального».

Я спросил, что для него сейчас важно в жизни.

— Прежде всего не размякнуть от комплиментов. Заставить себя «выкладываться» до конца не только в каждом матче, но и на каждой тренировке, как это делает капитан «Жальгириса» Вальдас Хомичюс. Отлично подготовиться к июньскому чемпионату Европы в ФРГ и помочь сборной страны завоевать золотые медали.

Сергей ШАЧИН

АРВИДАС САБОНИС